

ИВАР РАВИ

ТИТАН

ВОЗВРАЩЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ивар Рави

Титан: Возвращение

«Автор»

2024

Ивар Рави

Титан: Возвращение / Ивар Рави — «Автор», 2024

Макс вместе с пилотом Натой Сорока успевает покинуть взрывающийся звездолет. Спасательный модуль приземляется в заснеженной равнине, на берегу, скованного льдом, моря. Где они и самое главное, в каком временном промежутке, как вернуться к своему народу, когда главным препятствием является не расстояние, а время, исчисляемое десятками лет. Смогут ли Макс, вернувшийся в прежний возраст, перейти Рубикон повторно и воссоединиться со своим народом?

© Ивар Рави, 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Сквозь время	5
Глава 2. Твою мать	10
Глава 3. Снег, лед и снова снег	15
Глава 4. Ох и нелегкая это работа	20
Глава 5. Начало пути	25
Глава 6. Навстречу солнцу	30
Глава 7. Между прошлым и настоящим	35
Глава 8. Северная Европа каменного века	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ивар Рави

Титан: Возвращение

Глава 1. Сквозь время

30 апреля 1945г, квартира рядом с бункером Гитлера

– Гарри, твой фюрер может рассчитывать на тебя?

– Heil Hitler! – вытянулся в струнку Гарри Менгерхаузен, личный охранник главы нацистской Германии, унтерштурмфюрер СС.

– Как там наши гости, понравилось им изобразить меня и Еву? – Спрашивавший был человеком невысокого роста с характерным жидким клочком усов под хищным носом.

– Мой фюрер, – эсэсовец щелкнул каблуками, – на них ваша одежда и одежда фройляйн Евы. Я даю им с кофе таблетками доктора Шаффера, они спокойны и уверены в себе.

– Пусть мои генералы считают, что я подавлен и поэтому никого не принимаю. Приказы они получают через тебя, а приказ один: держаться любой ценой. Когда русские возьмут Берлин, ты знаешь, что делать. Прояви послушание, когда тебя возьмут. Ты просто телохранитель, в войне не участвовал, тебя не за что арестовывать и судить. Я верну Рейху его величие, начав триумфальное наступление с чужих берегов. Судьба Рейха, Гарри, в твоих руках: если враги не поверят в мою смерть и смерть фройляйн Евы, за нами начнется охота. А это не даст возможности залечить раны и вернуться победителем.

– Мой фюрер, – Гарри снова вытянулся в струнку, – фройляйн Ева будет «отравлена», а вы «пустите пулю себе в голову».

– Именно так, мой мальчик, – Гитлер порывисто обнял унтерштурмфюрера, целуя в обе щеки, – совсем хорошо, если опознание трупов будет немного затруднено. Наши враги не дураки, нужно усложнить им задачу. Не скупись на слезы, «оплакивая» меня, врагам хорошо известно, что ты мне дорог как родной сын. От успеха твоей роли, зависит будущее Рейха, который окажется в неоплатном долгу перед тобой. Сейчас иди в бункер, твое отсутствие будет подозрительно. Тыловые крысы-генералы сдадут меня, чтобы спасти свою шкуру.

Еще раз щелкнув штиблетами, Менгерхаузен покинул квартиру.

– Нам пора, – Гитлер в последний раз посмотрел в окно: через дорогу были видны солдаты вермахта, готовившие последнюю линию обороны. В сопровождении четырех эсэсовцев фюрер вышел из подъезда и сел в машину. Два бронетранспортёра спереди и сзади, составляли часть сопровождения. В отдалении стояли еще четыре мотоциклиста.

– В Киль, – отдал он приказ водителю, и вся колонна покатила на запад, подальше от наступающих русских и их союзников. Там, на приличном отдалении от берега, его ждала экспериментальная субмарина. Ее бортовой номер отсутствует даже в записях немецких судостроительных верфей. Даже командующий флотом Карл Дениц не знал именно об этой лодке. Экипаж субмарины набирался тайно из числа «пропавших без вести» подводников. Из заложённых передовых подводных лодок тип XXI, только две лодки были спущены на воду. Только две по официальным источникам: третья лодка, получившая простое название U-IV, осталась абсолютно секретной. В ее названии зашифровано «четвертый рейх», и только круг лиц, которых Гитлер решил эвакуировать на ней, знал о существовании субмарины.

Триста километров от Берлина до Киля колонна преодолела ближе к утру. Четверо эсэсовцев вместе с Гитлером сели в шлюпку. Лодка должна всплыть в заливе Киля ровно в шесть утра, до назначенного рандеву оставалось около получаса.

– Дойчланд, – прошептал человек, ввергнувший мир в кровавую бойню, унесшую десятки миллионов жизней, – мое сердце обливается кровью, но я вернусь!

Шлюпка с пятью беглецами на борту пошла навстречу субмарине странного типа, всплывавшей в заливе Киля. Спустя два дня из норвежских и испанских портов начнется массовое бегство нацистов: Гитлеру докладывали о такой подготовке со стороны высших чинов Рейха. Первой реакцией было расстрелять трусов, но Ева, его милая Ева Браун, подсказала, как лучше воспользоваться этой ситуацией, опередив бегущих на пару дней. И он, и Ева понимали, что многие не поверят в его смерть и заподозрят бегство.

Любое судно или подлодку, вышедшую из портов Норвегии, Германии или Испании в последние дни рано или поздно опознают и отслежат ее маршрут. Именно поэтому секретная субмарина U-IV не подошла к порту Киля, Гитлер рискнул выйти в море на утлой шлюпке, чтобы сохранить скрытность. Ева, его самые надежные друзья, среди которых несколько ученых, доктор и взвод отборных эсэсовцев находились в субмарине уже почти неделю. Выйдя в открытое море, субмарина поднималась для рециркуляции воздуха, а затем скрытно входила в залив, пользуясь бесшумными электромоторами.

Их шлюпка пристала к субмарине, и в полной тишине Гитлер с охраной перебрался в подводную лодку, где был встречен радостной Евой Браун. Капитан Фриц Мольтке получил приказ начать движение. В своей каюте Гитлер устало откинулся на койку: ему казалось, что он предусмотрел все: захватчики найдут трупы его и Евы, двойнику даже пломбы поставили соответственно медицинской карте Гитлера (дантиста потом расстреляли, чтобы избежать огласки). На субмарине запас продуктов для перехода через Атлантику. Торпедные аппараты пришлось снять, чтобы освободить дополнительное пространство для размещения людей и продуктов. Единственное, с чем категорически не согласился капитан Мольтке – убрать 105-мм орудие с надстройки.

Гитлер задремал, ему снилось, как он триумфально въезжает в Берлин и проходит под Бранденбургскими воротами, где его ждет отреставрированный Рейхстаг. Субмарина набрала ход и вышла из залива. Впереди лежал открытый океан.

Но ни капитан Мольтке, ни тем более Гитлер не могли предвидеть, что в районе Бермудских островов субмарина потеряет ориентацию в пространстве, компасы сойдут с ума, непрерывно вращаясь, а сама лодка просто потеряет ход.

Исчерпав запас кислорода, немцам пришлось всплыть совсем рядом с берегом, который капитан Мольтке определит как греческий. Пройдет около недели, прежде чем ученые, сопровождавшие Гитлера, вынесли свое заключение: они оказались в далеком прошлом, в эпоху окончания ледникового периода. Жестокий извращенный ум Гитлера сразу осознает выгоду случившегося: теперь он может строить свой Рейх опережая конкурентов на десятки тысяч лет!

* * *

Вначале небо изменило цвет на одном участке с небесно-голубого на лилово-красный, словно там, высоко в небе, кто-то разлил краски. Яркая светящаяся точка выскочила из этого лилово-красного участка, устремляясь на север. Дитрих проводил точку глазами, сожалея, что, по всей видимости, метеорит упал слишком далеко на севере, туда, где ледник еще силен и не отступил далеко на север. Он вернулся в помещение: что-то среднее между дворцом и казармой, выстроенное из грубого песчаника. Правая часть дворца служила резиденцией его отцов вот уже больше ста сорока лет, а левая традиционно отводилась под стражу и остальную челядь. Такой порядок выстроил еще их прапрадед Адольф.

Историю появления прапрадеда в этом мире Дитрих, как и все Эрсты, знал наизусть. Проиграв войну в другом мире, их прапрадед по имени Адольф Гитлер бежал на подводной лодке и каким-то чудом оказался в мире, населенном первобытными людьми. Но их пращур был необычным человеком: он сменил фамилию на Erste (первый), начал обустраиваться на новом месте. Прадед сбежал не один: с ним была его любимая женщина, ученые, врачи и отличные воины со смешным названием SS.

Первое временное поселение они заложили на берегу моря, но Адольф Эрст расписал план, который так и назывался «Тысячелетний план четвертого рейха». По этому плану, дойчам, так называлось племя их пращура, следовало освоить и заселить земли между реками Сена и Дунай. Адольф Эрст умер, когда дойчи, продвинувшись на северо-запад, успели заложить два крупных города названные Веймар и Регенсбург. Две написанные Адольфом Эрстом книги-брошюры надолго определили вектор развития дойчей. Вторая книга называлась «Моя жизнь и борьба», в основном, в ней содержались сведения из прошлой жизни. Согласно требованиям «Тысячелетнего плана четвертого рейха», дойчам предписывалось по возможности сохранять чистоту крови, не смешиваясь с местными дикарями. Если верить записям Адольфа, в этот мир попали семьдесят восемь дойчей, из них только двадцать семь женщин. При жизни Адольфа дойчи не брали в жен местных женщин. Теперь, по прошествии стольких лет, даже в жилах самого Дитриха I рода Эрстов текла четверть крови аборигенов.

Резиденция Эрстов находилась в Веймаре: каждые пять лет отец Дитриха – Генрих II проводил перепись населения своего фюрлянда. Последняя перепись показала, что всего в фюрлянде живет двадцать четыре тысячи триста человек. Есть еще дружественные местные племена, обитавшие к юго-западу, но уровень развития не давал права их отнести к дойчам. Наказ Адольфа Эрста, чтобы в каждой семье рождалось как можно больше детей, соблюдался свято. У самого Дитриха семеро братьев и две сестры, и все младше него. После смерти Адольфа, его сын Германик I объявил все земли дойчей фюрляндом, разрешив брать в жены столько женщин, сколько мужчина посчитает нужным. Такая политика уже при его жизни привела к тому, что количество дойчей со светло-серым цветом кожи начало стремительно расти.

Сын Германика I, Германик II пошел еще дальше, принимая в подданство целые племена сумевшие освоить язык дойчей. При нем Веймар и Регенсбург стали городами, обретя все необходимые атрибуты: крепостные стены, ратушу, казармы для воинов. Дед Дитриха, Генрих I, продолжил политику отца, осваивая новые территории. При нем разведение лошадей и другого скота стало одним из приоритетных задач. Он довольно поздно женился, когда родился его первенец, отец Дитриха Генрих II, Генриху I исполнилось пятьдесят лет. Сейчас отцу уже восемьдесят, а самому Дитриху недавно исполнилось двадцать семь. Он тоже был женат, жена родила двойню мальчиков, которых он назвал Гансом и Фрицем, вычитав эти имена в письменном труде своего пращура.

Отец оставался главой фюрлянда, но все чаще поручал проведение Совета ему. Также фюрлянда должен был подробно записывать в «Хроники IV рейха» все события, которые могли иметь глобальное значение. Подойдя к книжному шкафу, Дитрих достал рукописный фолиант, на титульной обложке которого значилось: «Хроники IV Рейха». Придвинув канделябр со свечами, достал перо и чернильницу, открыл последнюю заполненную страницу. На несколько секунд задумавшись, аккуратно вывел дату: 22 января 154 г. А.Э. Летоисчисление шло с третьего года после попадания в этот мир, когда их пращур взял себе имя Адольфа Эрста.

Дитрих внес запись, гласившую о странном изменении цвета неба, и о метеорите, который, судя по всему, упал на севере. Он подошел к окну и выглянул: на четверть видимого небосклона небо по-прежнему оставалось лилово-красным. Будь ученые живы, они могли бы это объяснить. Они, конечно, постарались передать свои знания, но каждое новое поколение часть знаний теряло не находя им практического применения. Положив книгу на место, Дитрих открыл небольшой ящик в шкафу и вытащил оттуда пистолет. Когда-то у дойчей было много таких, были и совсем крупные, но патроны закончились, и оружие стало бесполезным. Вытащив магазин, Дитрих выщелкнул в руку четыре патрона: все, что осталось от наследия предков. Отец отдал пистолет ему недавно, когда стал чувствовать себя хуже. В кузницах Веймара и Регенсбурга пытались воссоздать похожее оружие, но так и не смогли. Выстрелы разрывали стволы, калеча стреляющих, и двадцать лет назад Генрих II официально запретил попытки создать такое оружие. Но пистолет для меня сохранил, – с теплотой подумал Дитрих.

Но вот что хорошо удалось кузнецам фюрлянда, так это доспехи и оружие. И хотя вокруг земель дойчей не осталось серьезных противников, а дикари разбегались, не выдержав обстрела из больших луков, дойчи ежедневно тренировались по записям, оставленным предками.

* * *

– Я ныряю в Рубинаду, им туда нельзя, – хрипло отозвалась пилот, и в следующую секунду в кабине стало темно.

– Рубинаду прошли, – голос Наты заглох в моих ушах, звук мощного взрыва проникла даже внутрь звездолета. Одновременно со взрывом, звездолет швырнуло с такой силой, что от перегрузки я потерял сознание. Не знаю, как быстро пришел в себя, но сразу пожалел, что не умер, не приходя в сознание, потому что весь потолок и стены были в красных сигналах, а в ушах стояли вопли девушек:

– Мы падаем, Ната, сделай что-нибудь!

– Мы падаем на планету без торможения!

– Ната!!!

Глаза закрылись, будто их придавило целой тонной веса. Я чувствовал, как меня несут по воздуху, словно воздушный шарик, открыть глаза сил нет. Скоростное падение создавало эффект невесомости. Меня прихватили ремнями, и секунду спустя послышался шум рвущегося металла. Невероятная тяжесть знакомая по недавнему старту звездолета навалилась на плечи и все тело.

– Макс Са не вернется, – прошептал, ощущая руку Наты на своей. Я обманул свой народ, пообещав им вернуться, а сейчас нахожусь черт знает где, не имея сил даже открыть глаза.

– Никто не вернется, – словно сквозь туман до меня доходили слова девушки, – «Рубинада» взорвалась, звездолет падает на планету, я успела донести тебя до спасательной капсулы и отстыковаться.

Прошла целая минута, прежде чем я обрел способность нормально воспринимать происходящее. Давление на организм уменьшилось, даже появилась некоторая легкость, словно капсула проваливалась в воздушную яму.

– Как взорвалась, о чем ты говоришь? – прохрипел я, пытаюсь осмотреться в слабом свете капсулы. Слева от меня в коконе из пластика повторяющего контуры человеческого тела находилась пилот звездолета. В точно таком же полувертикально установленном внутри спасательной капсулы коконе находился и я. Как они крепились, мне отсюда не видно.

– Думаю, залп из плазменных турелей крейсера вызвал возмущение нейтрино, и портал схлопнулся, – голос Наты звучал ровно, словно заказывала себе обед в ресторане. Две капсулы справа от меня и одна слева от Наты пустовали.

– А девушки?

– Я не могла успеть спасти всех, времени практически не было. Еле успела дотащить тебя и дать ускорение, когда «Рубинада» взорвалась. Думаю, взрыв частично повредил капсулу, мы падаем со слишком большой скоростью.

– Так сбрось скорость, ты же пилот.

– Капсулой управляет искусственный интеллект, скорость принятия решений и поиск оптимальных вариантов у ИИ выше на триста процентов, доверимся ему.

Я промолчал, она из другого времени, у них цивилизация ушла намного дальше. Получается, что я вернусь куда быстрее, чем обещал своему народу. Где-то из подсознания выплыли слова Наты про сигнатуры необходимые для точного временного перемещения.

– Мы же падаем на планету в моем мире, в мое время? – уточнил я, чтобы быть уверенным на все сто.

– Мир твой, а вот по времени могут быть небольшие расхождения, – без энтузиазма отозвалась Сорока.

– Насколько сильные расхождения? – почувствовал, как холодок прошел по спине. – Ты же говорила, что установила сигнатуры.

– Перед вылетом сигнатура была установлена, но это временно-пространственная метка твоего мира. А вот вторая сигнатура уже чисто временная точка для возврата в то же время. Ее я только начала устанавливать, когда появился крейсер франко-германской Унии. И мне пришлось удирать, чтобы нас не распылили на атомы.

– А если бы вы не прилетели, мать вашу, все оставалось бы на своих местах, – зло процедил сквозь зубы, начиная ненавидеть эту плоскогрудую девицу.

– Давай, ты не будешь вести себя как архаичные мужчины твоего времени, – неожиданно зло ответила Ната, – ты вернулся в возраст, когда впервые пересек «Рубинаду», ты жив, и более того, никто больше не сможет попасть в этот мир через портал в космосе. Сейчас мы приземлимся, и я определю временное расхождение, если оно есть.

Хорошо, сучка, – подумал я, – сейчас мы приземлимся, и я тебе покажу, как архаичные мужчины моего времени ставили сучек на место!

Глава 2. Твою мать

Момент приземления я проморгал: точнее ждал, что капсула себя как-то проявит, что сработают тормозные двигатели. Но ничего подобного не произошло: просто на панелях вспыхнул приятный голубоватый свет, а Ната объявила:

– Мы приземлились.

Пока пытался разобраться с защитными ремнями, девушка освободилась из своей капсулы и, подойдя ко мне, просунула руку в капсулу, в район паха.

– А ты не слишком торопишься? – я не смог удержаться, чтобы не съязвить. Но абсолютно серьезная девушка нажала на кнопку с внутренней стороны, и ремни втянулись в спинку капсулы. Глянув на ее серьезное и озабоченное лицо, решил повременить с воспитательной процедурой. В отличие от спасательной капсулы МКС, в которой мне пришлось садиться в первый раз, эта капсула в разы просторнее. Панели освещения были утоплены в стены и потолок, а напротив каждой капсулы висел небольшой голографический экран с множеством символов.

Ната подошла к одной из панелей и нажала на нее: часть стены трансформировалась в подобие стола с выдвинутым кубом, исполнявшим роль стула. Девушка прикоснулась к поверхности «стола», перед ней возник мерцающий виртуальный экран.

– Сейчас определю наше местонахождение на основе карт материнской Земли. – прокомментировала Ната, пока ее пальцы касались виртуальных клавиш.

– Меня больше интересует время, – подойдя ближе, я встал у нее за спиной, пялясь в экран как баран на новые ворота. На виртуальном мониторе мелькали значки, символы, цифры вперемешку со знаками препинания. Ната двумя пальцами «вытащила» из экрана трехмерную модель земного шара и ткнула в клавишу, с изображением лежащей восьмерки, знаком бесконечности. Проекция земного шара закрутилась, а мгновение спустя остановилась, показав мерцающую точку недалеко от Британских островов.

– Фарерские острова, – Ната оглянулась через плечо, – это недалеко от местонахождения твоего неолитического стойбища.

– Так, Ната, давай договоримся, – я решил, что не стоит откладывать воспитательную беседу в долгий ящик, – ты прилетела из продвинутого времени, у вас там гендерное равноправие и все такое. Но это – МО-Я ЗЕМ-ЛЯ! – по слогам отчеканил я почти переходя на крик. – И здесь все будет ПО МОИМ ПРА-ВИ-ЛАМ! И лучше для тебя уяснить это сразу и кончай говорить со мной на английском, на этой планете, в этом времени, говорят на языке Русов!

– Максим, что случилось? У меня отличный слух, повышение тональности совсем необязательно. И чем я тебя обидела, что ты так грубо со мной разговариваешь? Я, следуя инструкции, спасла тебе жизнь, посадила спасательную капсулу. Мне непонятно твое недовольство, и смею напомнить, что воспитана в мире, где человеческое достоинство не зависит от полового диморфизма.

– Заткнись, – прервал ее словоблудие, – и определи время, в котором мы находимся.

– Я не собираюсь терпеть такого отношения, – Ната нажала на кнопку, и виртуальный экран погас. Она встала, и «стол» снова трансформировался, становясь обычной матовой панелью. – Вокруг капсулы автоматически включилось силовое поле Третьяка, но я хочу посмотреть, где мы очутились. Советую активировать шлем, прежде чем выйдем, – не обращая внимания на закипающего меня, она подошла к другой стороне, и после прикоснулась к стене, которая с мягким шипящим звуком начала опускаться, превращаясь в аппарат.

Первое, что бросилось в глаза, был снег! Снег, мать твою?! Мы взлетели из Макселя в разгар лета. Забыв активировать шлем, я выскочил на аппарат, чуть не задохнувшись от холода. Вспомнив совет Наты, поспешно нащупал кнопку под подбородком: шлем моментально закрыл лицо, давая нормально дышать. Повсюду, куда мог упасть мой взгляд, расстилалась белая снеж-

ная равнина. Рядом со спасательной капсулой стояло нечто похожее на группу скал, расположенных на холме. Слева от капсулы вдаль уходило невероятно ровное снежное поле. Несмотря на предупреждающий жест Наты, я вышел из-под защиты силового поля и прошел около пятидесяти метров, пока не достиг начала поля. Расчистив ногой слой снега, добрался до прозрачного, отдающего синевой льда. Море! Мы приземлились на самом берегу моря, покрытого льдом.

– Максим, вернись, это небезопасно, мой датчик показывает инфракрасные метки, здесь есть живые существа, – неожиданно громко прозвучало в ухе, заставив меня подпрыгнуть.

Повертев головой, я ничего не увидел. Дура космическая, метки у нее инфракрасные, – подумал я, но рисковать не стоило. Вернулся под защиту силового поля, коротко бросив:

– Зайдем, нужно поговорить, – с мягким шипением дверь закрылась, и я дезактивировал шлем: говорить нужно лицом к лицу.

– Определи время, чтобы сориентироваться. И посмотри, сколько отсюда до Макселя.

– Максим, я старший офицер из оставшегося экипажа звездолета и требую соблюдения субординации, – вздернула свой носик девушка.

– И где твой пи*долет? Может позовешь спасателей? Или запросишь инструкции от командования? Значит так, Ната, я тебе сейчас обрисую ситуацию, чтобы ты все поняла. С твоих слов, «Рубинада» взорвалась? Так?

– Так, – подтвердила девушка, стоя напротив.

– И спасти тебя никто не прилетит? Мир, который вы хотели нагло присвоить, оказался теперь недоступен. – Ната промолчала, но весь ее вид подтверждал правоту моих слов. Мысленно отметив, что она далеко не дурнушка, я продолжил, – вы с твоими подружками, что, кстати, за твоей спиной замыслили передать планету франкам и немцам, показывали, что на спасательной капсуле есть синтезатор еды и воды. И ты, вероятно, считаешь, что голод тебе не грозит, как не и грозит переохлаждение, потому что капсула автономна и работает на этом дейритие?

– Дейридиуме, – автоматически поправила девушка.

– Ну да, дейридиуме. А насколько хватит его для поддержания систем жизнеобеспечения на таком морозе? На улице минимум двадцать градусов мороза.

– Двадцать шесть, – снова поправила меня Ната, показывая рукав своего комбинезона, где была встроена информационная панель размером с пачку сигарет.

Девушку хотела еще что-то сказать, но я перебил:

– Подожди. Закончится запас ингредиентов для синтеза пищи и воды, энергия дейридиума иссякнет, и что тогда?

– Энергии хватит на два месяца, а потребление молекулярной смеси можно ограничить, – возразила Ната, все еще не понимая, к чему я клоню.

– Хорошо, но рано или поздно все это закончится, ты согласна? Как только энергия дейридиума подойдет к концу, придет конец силовому полю, питанию для комбинезонов, голографическим или виртуальным мониторам. Я ничего не забыл?

– Перестанет работать плазменный дезинтегратор, – Ната показала на вставку на поясе, принятую мной за деталь комбинезона. Нужно узнать, что за штучка этот плазменный дезинтегратор, но решил добить эту космическую феминистку.

– Что ты будешь делать тогда, Ната?

Ната Сорока кретинизмом не страдала: суть она ухватила быстро:

– Все сказанное тобой правда. При отсутствии энергии мои возможности катастрофически падают, приближаясь к нулю. Но зачем говорить эти очевидные вещи?

– Я это говорю по той простой причине, что мне жаль тебя. Вы стали заложниками инструкций, догм, вбиваемых вам в голову. Ты даже не думаешь о том, что необходимо искать варианты: вся заложенная в тебя программа говорит о необходимости ждать. Ждать помощи,

которой не будет, и ты уже сейчас понимаешь конец своего пути: смерть от голода или холода в этой капсуле. Но я не такой. У меня есть семья, мой народ, есть цель. И вот я подхожу к главному: в нашей ситуации ты просто ноль, а я альфа и омега. Я выберусь отсюда, мне нужно жить. И ты выберешься со мной, но усвой простое правило: я говорю – ты делаешь. И никаких этих воплей о равноправии или дискриминации. В космосе мы были на твоей территории, я молча лежал в капсуле, не пытаюсь опротестовать твои решения. Первобытный мир – моя территория, здесь я властелин, я знаю, как выживать и как бороться с врагами. А теперь, будь хорошей девочкой, сядь за свою виртуальную игрушку. Мне нужно знать, какое расхождение по времени между нашим взлетом и экстренной посадкой.

Ната придвинулась к стене, ткнула пальцем в панель и повернулась ко мне:

– Ты считаешь, что мы сможем выжить и добраться до твоего поселения?

– Конечно! Эти костюмы просто созданы, чтобы переносить низкие температуры, снаружи в них было очень комфортно!

– Максим, радиус действия костюмов невелик. Максимум пара сотен километров.

– Что ты хочешь этим сказать? – мне не понравилось услышанное.

– Питание костюмов осуществляется от звездолета или спасательной капсулы. Если мы выйдем за радиус действия питания, костюмы перестанут греть и выполнять защитные функции.

– Посмотри, сколько до ближайшей земли, узнай время расхождения, определи период развития планеты. Ты это можешь?

– Могу, – кивнула Ната, садясь за «стол». Минут пять она с напряженным лицом работала за виртуальным монитором, «вытаскивая» разные страницы, затем повернулась ко мне. – Мне очень жаль, Максим. С момента как мы взлетели, планета совершила пятьдесят четыре тысячи девятьсот пятьдесят один оборот вокруг своей оси, что составляет сто пятьдесят лет и двести один день.

– Этого не может быть, – прошептал я, холодея. Внутренне я ожидал расхождения в несколько дней, может, даже пары месяцев, учитывая температуру снаружи и снежный покров. Но сто пятьдесят лет?! Твою мать!

– Твою мать! Этого не может быть, проверь еще раз! – Усилием воли я сдержался, чтобы не отвесить Нате оплеуху. Тварь, скотина, ублюдки все эти Славянские Союзы, разномастные Унии, будьте вы прокляты! В душе бушевала настоящая буря, чтобы сдержаться от необдуманных поступков, с силой заехал по внутренней обшивке корабля, выполненной из матовых панелей.

– Повреждена панель термоизоляции, – возвестил механический голос, заставив меня вздрогнуть от неожиданности.

– Максим, у нас нет запасных термопанелей, если все повредишь, нам грозит переохлаждение, – Ната подошла и прикоснулась ко мне: – Прости, если бы я знала, что так случится, не согласилась бы на миссию.

– Отойди от меня, – прохрипел я, еле сдерживаясь, чтобы не задушить ее прямо сейчас, – отойди от греха подальше.

Дойдя до капсулы-кокона, залез внутрь, мне необходимо как-то принять и перенести услышанное. Нел и остальные жены мертвы, как мертвы и все мои дети, внуки и правнуки. В лучшем случае, жив кто-то из праправнуков, если смотреть по времени, что прошло с момента моего отлета. Никогда мне больше не увидеть ни Тиландера, ни моих приемных сыновей Бера и Санчо. Да что там они, даже их потомки, кому они могли рассказать обо мне, наверное, тоже мертвы. Что стало с Русами? Развились они или после моей смерти начали скатываться в первобытное состояние? Нет, там оставался Тиландер, Лайтфут, Мендоса, Сед. Оставались все мои записи, записи Александрова, уже сформирована система, пусть и не до конца. Школа, университет, музгар, где священнослужители читали проповеди. Нет, все это не могло просто

так пропасть, не для того я столько старался, чтобы с моим исчезновением все рухнуло. Ведь, как чувствовал: вспомнил, как перед отлетом предупреждал Тиландера и, кажется, Бера, что могу задержаться. Чтобы не теряться и продолжали выполнять все, что мы запланировали.

– Твою мать! Сто пятьдесят лет, как же это много, – прошептал я вслух, выкарабкиваясь из капсулы-кокона.

Ната испуганно смотрела на меня, вспышка гнева ее шокировала. По сути, она не виновата: ее отправили на задание, как и меня в свое время. И она его выполняла в меру своих знаний и возможностей. Ишь как смотрит, вспомнила, небось, на генетическом уровне, что лучше не перечить разгневанному мужчине. Следует успокоиться, гнев – плохой советчик. Успокоиться, сесть и спокойно подумать, как отсюда выбираться. И успокоить ее, еще стрельнет из своего дезинтегратора, распылив меня на атомы. То-то рука так и жметя к боку, а я даже не знаю, как этой штукой стрелять.

– Ната, прости за вспышку, для меня это сильный удар. Это была моя семья, мои жены, дети, друзья.

Мои слова подействовали, плечи девушки немного опустились, но ее вопрос застал меня врасплох:

– Теперь ты передумал выбираться отсюда? После того как узнал, что расхождение по времени так велико.

– Нет, умирать здесь – самая большая глупость, которую мы можем совершить. Мы выберемся, но идти туда, где когда-то жила моя семья... даже не знаю, стоит ли. Прошло столько лет, меня давно забыли, наверное, сложились свои определенные общества. Что я там буду делать? Но выбираться будем, и жить будем, может, организую новую общину, второй раз все делать легче, – поспешил я добавить, заметив, как погасли глаза девушки. – Что ты еще узнала?

– Аналогичный период палеолита в истории материнской Земли обозначен как Аллередское потепление, длившееся с 19 000 лет до 14 000 лет по старому земному летоисчислению.

– Рождества Христова, – уточнил, получив утвердительный кивок.

– Что это за потепление?

– Это период, когда территорию Европы начинают интенсивно осваивать кроманьонцы, растут смешанные леса, очень много млекопитающих поднимаются на север с южных широт. Время начала вымирания мамонтов и нахождения последних стоянок тупиковой ветви человечества – неандертальцев.

– Насчет тупиковости неандертальцев я бы поспорил, – перебил я девушку, – а есть какие-либо признаки цивилизаций на планете, не считая Русов?

– Нет, до появления древнейшей цивилизации в Месопотамии больше десяти тысяч лет.

– Расстояние до ближайшей суши?

– Расстояния приблизительные, так как реальная картина может отличаться. До островов, обозначенных как Британия, больше четырехсот километров на юго-запад, а до материковой Европы – больше шестисот километров на восток. Мы пойдем в сторону Британии?

– Не знаю, никогда не любил эту страну и этот народ, – не совсем в тему ответил девушке. – Меня интересует вопрос, какой сейчас месяц и какой примерно день? От этого зависит выбор направления.

– Я могу ошибиться, но сейчас середина января, может, даже конец.

– Будем считать, что сейчас середина января. Судя по льду, он довольно прочный и останется таким примерно месяц или два, зависит от направления, которое мы выберем. Наш единственный вариант – добраться по льду до суши, и здесь я склоняюсь к выбору материка.

– Но ведь острова Британии ближе, – удивилась Ната.

– Это острова, Ната, добравшись до них, нам придется ждать следующей зимы, и не факт, что пролив между островами и Европой замерзает зимой, все-таки это заметно южнее. Поэтому нам нужно убраться отсюда до того, как вскроется лед, иначе мы останемся на этом

клочке суши без провианта и возможности протянуть целый год. Шестьсот километров по засыпанному снегом льду мы преодолеем за двадцать дней, если сможем найти во что одеться и набрать пропитание.

– Можно батончики взять в дорогу, они питательные, – подсказала Ната.

– Можно, – согласился я, но нужно наловить рыбы и достать шкуры. Здесь должны водиться полярные медведи и морские млекопитающие. – При этих словах Ната скривилась, рассмешив меня до слез. – Подожди, вот проголодаешься, будешь рыбу и мясо даже сырым есть.

– Никогда, – запальчиво возразила девушка, нахохлившись, – это противоестественно, когда убивают живых существ ради пропитания.

– Посмотрим, – я не стал спорить, когда и так все ясно: проголодается, у меня из рук будет еду вырывать. Надо определяться с крайней датой выхода в дорогу. – Нам нужно все рассчитать так, чтобы мы успели попасть на сушу к началу весны, когда лед еще выдерживает вес человека, но температура уже начала прогреваться и выше нуля.

Сделав в голове расчеты и еще раз попросив Нату уточнить температурные режимы этого Аллередского потепления, пришел к выводу, что в дорогу мы должны выходить не позднее двадцатого февраля.

– У нас примерно месяц, чтобы заготовить провизию в дорогу и обзавестись одеждой, потому что комбинезоны нам дадут пройти только около двухсот километров пути, – резюмировал я свои мысли.

– Где мы достанем одежду? – хлопая глазами спросила девушка, уплетая батончик из синтезатора.

– Попросим матушку-природу, авось чего подкинет. Покажи мне, как ты отслеживаешь инфракрасные метки и научи пользоваться дезинтегратором, мужчине пора на охоту, – молча отложив батончик, Ната встала.

А кто-то говорил, что я не умею общаться с девушками.

Глава 3. Снег, лед и снова снег

Пользоваться плазменным дезинтегратором Ната меня научила. Вещица оказалась невероятно функциональной и полезной – это не оружие в чистом виде. Дезинтегратор являлся многофункциональным гаджетом. Прежде всего, это оружие: в режиме «самозащита» дезинтегратор с невероятной скоростью выстреливал ярко-желтый луч. Со слов Наты, в этом режиме дезинтегратор убивал любое живое существо, прожигая в нем дыру размером с кулак. Вторым рабочим режимом, был режим сварочного аппарата: вещица могла резать и варить сплав любой твердости. Имелся еще третий режим, своего рода «тепловая пушка», когда дезинтегратор выдавал направленный поток очень теплого воздуха. Со слов Наты, он использовался для сушки и обогрева вне космического корабля, а также для заготовки образцов растений и животного мира, если таковые попадутся на необжитых планетах во время экспедиций. Интенсивность и ширина потока воздуха регулировалась в зависимости от поставленной задачи.

Сам по себе интегратор напоминал размерами и формой пачку сигарет, при нажатии на боковую поверхность выдвигалась удобная ручка. Режим использования и интенсивность регулировалась небольшой шайбой, расположенной в выдвижной рукояти, там, где обычно у пистолетов бывает спусковой крючок. Аппарат имел маркировку ПДМ-2, что расшифровывалось как «плазменный дезинтегратор многофункциональный второй модели». Страна изготовления: Уния Славянский Союз.

Я оценил эффективность дезинтегратора, выстрелив в ледяной торос: часть тороса просто разлетелась на куски не выдержав температуры, в оставшейся части образовалась сквозная дыра. Единственный минус этих «бластеров» – малый срок действия работы вне зоны питания от космического корабля. Ната так и не сумела мне объяснить, каким образом дейридий спасательной капсулы дает энергию нашим скафандрам и дезинтеграторам. Вне зоны покрытия космического корабля дезинтегратор мог быть использован всего несколько раз, в зависимости от выполняемой работы. Самым энергозатратным режимом была сварка или резка металлов.

Первый день моей охоты оказался безрезультатным, хотя на льду я наткнулся на остатки тюленя или нерпы. Кто охотился, догадаться нетрудно: на снегу остались огромные следы когтистых лап. Белый медведь мог бы практически решить проблему одежды: его шкуры хватит для нас двоих, не говоря уже о мясе. Но ровное белое полотно моря выглядело статичным: если медведь и поблизости, я его просто не видел. Поднявшись на небольшой холм, рядом с которым приземлилась капсула, внимательно осмотрелся. Никаких признаков, что эти места облюбованы животными, тем более людьми.

Проблема голода пока не грозила: запаса компонентов в синтезаторе полноценному экипажу хватит на месяц, для нас двоих запас увеличивался вдвое. Сами батончики очень сытные, но ощущения еды лично мне не давали. За неделю нахождения в этой ледяной пустоши мой живот уменьшился визуально, желудок не растягивался как прежде при приеме пищи.

Инфракрасный датчик на рукаве комбинезона-скафандра показывал наличие теплокровных в радиусе до пятисот метров. Но самих теплокровных, судя по датчику, вблизи нет. Ната включила инфракрасный поиск на экране капсулы: на разном удалении, от трех до семи километров мерцали красные точки, означающие, скорее всего, медведей. Если бы время выхода в дорогу поджимало, я бы пошел на охоту, наплевав на такое расстояние. Но пока время терпит, а тащить более трех километров медведя, делая до десяти заходов, нет никакого желания. Раз медведь охотился на расстоянии нескольких сот метров от места нашего приземления, не исключено, что он вернется на прежнее место охоты.

Запас батончиков позволял дойти даже до суши, но ощущение горячего жареного мяса не сравнить ни с чем. Недаром охотники обязательно попробуют свою добычу прямо в лесу, не дожидаясь возвращения домой.

За прошедшую неделю Ната никак не проявила себя как девушка, которая нуждается в мужском внимании. После нашего серьезного разговора она стала покладистее и молчаливее, каждый день наматывая круги вокруг капсулы. О необходимости тренировки перед дальним походом я сказал всего один раз, но ей этого хватило. Трижды в день не менее часа Ната описывала широкие круги вокруг капсулы, периодически переходя на бег. В ее времени сама физическая нагрузка стала минимальной: все было автоматизировано, даже передвигались пешком они практически только внутри зданий. Везде стояли скоростные эскалаторы, поток автомашин Земли моего времени сменился лентами эскалаторов. Транспорт, с ее слов, конечно остался, но теперь он летал, а не катил по асфальту: поверхность планеты принадлежала пешеходам, даже точнее эскалаторщикам.

Мне нужно оружие: как только мы выйдем из зоны покрытия капсулы, дезинтеграторы превратятся в бесполезные коробочки. Я обследовал нашу капсулу, но ничего подходящего, чтобы превратить в оружие, не нашел. В очередной раз я попытался разобрать кусок внутренней панели, чтобы добраться до стального остова капсулы. В любом случае там должны какие-то перемычки, металлические штанги или фермы, усиливающие конструкцию. За этим занятием меня застала вернувшаяся с пробежки Ната. Очередной раз наткнувшись на гладкое металлическое покрытие без перемычек или каких-либо конструкций, я на чем свет стоит материл потомков, придумавших такую хреновую конструкцию.

– Что ты делаешь, Максим, зачем разбираешь внутренний термослой? Ядру придется усилить распад дейридиама, чтобы компенсировать потерю тепла.

«Ядром» в капсуле, да и в самом звездолете «Последний шанс», назывался двигатель.

– Ищу металлический стержень, чтобы приспособить его под оружие. Когда твои навороченные дезинтеграторы перестанут действовать, мы останемся без оружия. Как пробежка, – из вежливости поинтересовался я у девушки. Шлем она деактивировала, от ее лица несло паром, капли пота усеивали лицо.

– Вчера и сегодня уже лучше, ты оказался прав, физически я очень слаба. Если потренируюсь пару недель, думаю, смогу выдержать твой темп.

Ната прошла и присела на краешек противоперегрузочной капсулы. Слушая ее самоуверенный тон, я внутренне усмехнулся: мой темп она хочет выдержать, как бы не так. Но нельзя отбивать желание тренироваться, иначе придется тащить ее на себе. Странно, но никакого интереса она у меня не вызывала, и это при моей любвеобильности. Худая, практически без видимой груди, с по-мальчишески плоской попой. Хотя, нужно отдать должное, на мордашку девушка очень даже ничего. Раньше я не замечал веснушек, но теперь видел их довольно ясно. Такие девушки в старом мире мне встречались повсеместно: тихие, ничем не выделяющиеся, но с правильными чертами лица. Не было в ней той женственности, что заставляет думать, как о женщине.

Отказавшись от идеи найти что-то стоящее, я направился к синтезатору, чтобы проглотить обеденный батончик и обмануть желудок. Сидящая на краешке капсулы Ната заерзала, когда я остановился и впился взглядом в ее пятую точку.

– Что там такое, испачкалась? – Ее щеки залил румянец, говорящий, что ничто женское ей не чуждо. Но не ее худосочная задница привлекла мое внимание, а сама капсула, на которой она сидела.

– Ната, как крепится этот кокон к полу?

– Я не знаю, это инженеры занимаются такими вещами, мое – дело пилотировать.

Подойдя к противоперегрузочной капсуле, я потрогал ее руками: материал мягкий, что-то среднее между кевларовой тканью и тканью парашюта. Но внутри явственно угадывался скелет, на которой весь материал и крепился. Ножа, чтобы вспороть ткань и добраться до скелета, у меня нет, но есть дезинтегратор. Установив его на резку на минимальную мощность, начал обнажать скелет противоперегрузочной капсулы. Приходилось мгновенно отпускать кнопку,

чтобы не разрезать лишнего. Запахло гарью синтетики: под лучом дезинтегратора прочнейшая ткань резалась как бумага, кончики волокон тлели.

Обнажив часть капсулы, отложил дезинтегратор в сторону: противоперегрузочная капсула по форме напоминала люльку мотоцикла. Сверху ткань была гладкая, а снизу, как надувной матрас. Луч дезинтегратора разрезал тонкий воздуховод, и из «матраса» выходил воздух. Во время старта спасательной капсулы в «матрас» накачивается воздух, плотно облекая человеческую фигуру. Поэтому я и чувствовал себя, словно в коконе. Но, самое главное, мое упорство было вознаграждено: вся эта конструкция имела скелет из тонких трубок. Потрогав рукой, не смог определить, из какого материала они сделаны. Двойное нажатие на дезинтегратор, и от скелета капсулы отрезана трубка диаметром в сантиметр или чуть больше.

Скелет капсулы состоял из четырех продольных трубок и четырех поперечных для устойчивости и крепости конструкции. Две нижние трубки были двухметровыми, а две верхние – около полутора метров. Двухметровая трубка выглядела очень крепкой, попытки ее согнуть оказались тщетны. За счет своей длины, трубка гнулась на пару сантиметров и выпрямлялась.

Внимательно следившая за моими действиями Ната не утерпела:

– И чем нам пригодится эта трубочка? Она же полая.

– Дезинтегратором можно нагреть конец трубки, а камнями его расплющить и даже неплохо заточить. И у нас появится копьё, пусть не самое удобное, но лучше, чем ничего. Его можно использовать как для защиты, так и для добычи рыбы. Если нормально заточить, поможет и при встрече с хищником.

– И ты думаешь, что мы этим сможем защититься от доисторических хищников? – голосом Наты читают заупокойную молитву.

– Ната, не нужно бояться. Я провел больше двадцати лет в этом мире. Тогда я был, как и ты, новичок полный сомнений и страхов. Сейчас у меня за плечами годы выживания, просто доверься мне.

– Хорошо, Максим, чем я могу помочь сейчас?

– Ты лучше меня владеешь дезинтегратором. Вырежи трубку такой же длины, и те четыре короткие, из них я сделаю ножи. И еще одна просьба, не зови меня Максим. За двадцать с лишним лет я привык быть Максом или Максом Са.

– Хорошо, Макс Са, – согласилась девушка и звонко рассмеялась. Впервые после взорвавшегося портала мы нормально поговорили. Пока Ната вырезала необходимые трубки, активировав шлем, я выскочил наружу. Нужно найти валун, чтобы использовать его как наковальню и булыжник-молот. Большой валун размером с легковой автомобиль, покрытый толстым слоем снега, нашелся быстро совсем рядом с нами, а вот булыжник никак не находился, сколько я ни разгребал снег. Или они лежали под очень толстым слоем снега, или их просто нет. Будь сейчас лето, найти камень оказалось бы проще.

– Как успехи? – с трубками в руках космонавт из будущего выглядела комично.

– Валун нашелся, вот он, – похлопал я по камню, – а вот камень поменьше найти не могу.

– Каких размеров камень нужен? Отойди в сторону, Макс, – сняв с комбинезона дезинтегратор, Ната щелкнула тумблером.

– Небольшой, чтобы я смог работать одной рукой, чуть больше кулака, – ладонями показал примерный размер.

Ната прицелилась в край валуна и выстрелила: снег, лед и мелкие брызги камня полетели в стороны. Обращенная к нам сторона валуна практически очистилась от многолетнего снега и льда. Несколько трещин пошли по правому краю камня, там, куда пришелся выстрел. Часть камня раскрошилась, а поверхность размером с теннисный мяч, спеклась.

– Сейчас, – подкрутив тумблер, Ната сделала второй выстрел, отколов от камня здоровенный кусок. Еще пара кусков поменьше упали вслед за первым.

– Подожди, не стреляй, – я приблизился к осыпавшимся обломкам в надежде найти подходящий. Подходящих оказалось несколько, выбрав один из них, улыбнулся девушке:

– Ворошиловский ты стрелок, – по интонации было ясно, что это похвала, но разглядеть лицо в затемненном шлеме мне не удалось.

– Старалась, – довольным голосом отозвалась девушка.

– Ната, поставь интегратор в режим сварки, только на слабую мощность. Попробуем сделать первое копьё, посмотрим, что у нас получится.

Показав, куда направлять луч сварки, взял кусок камня в руки. Кончик трубки под пламенем интегратора вначале посинел, а потом покраснел, не дожидаясь, пока металл приобретет желтый цвет, я начал оббивать конец трубки, прислонив его к валуну. Проворачивая трубку в руках, сплющил конец и сунул его в снег, чтобы остудить. Наконечник у меня получился некрасивый, с рванными краями. Трижды, нагревая его дезинтегратором, ковал своим «молодом», пока не остался доволен результатом. После третьей попытки решил попробовать наточить наконечник, используя все тот же валун.

Точился наконечник плохо, почти час провозившись с заточкой, вынужден был констатировать, что бороздка в камне выглядит убедительнее самого наконечника. На самом наконечнике изменения тоже есть, он уже прекрасно годился, чтобы проткнуть тюленя или нерпу, но мы собираемся на сушу, а там водятся совсем другие звери. Решив оставить заточку на завтрашний день, мы с Натой почти до темноты занимались вторым копьём и двумя ножами. Ножи пришлось сплющивать на половину длины трубки, чтобы ими можно было резать. Подумав о заточке ножей, чуть не застонал: наточить небольшой наконечник еще реально, но как наточить двадцатисантиметровое лезвие толщиной с полсантиметра? Единственный вариант, разрезать пополам рубку вдоль оси и распрямить ее, чтобы заточить один край.

Нате процесс изготовления оружия понравился: она охотно выполняла мои указания, даже лезла под ноги, стараясь помочь. Забрав два самодельных копьё и пару ножей, мы вернулись к капсуле уже в сумерках. Усталость пробудила голод: я слопал три батончика, прежде чем ощутил привычную тяжесть в желудке. Даже Ната превысила свой суточный лимит, съев полтора батончика.

– Оружие мы сделали, теперь нужно его наточить и добыть медведя, прежде чем двинемся в путь. Запас батончиков мы можем взять с собой солидный, но, когда комбинезоны прекратят нас обогревать, мы умрем от холода, если не добудем шкуры, – сон меня одолевал, но все равно я услышал, как Ната ответила спустя пару минут:

– Ты все сможешь, Макс, теперь я хочу жить.

Три дня ушло на заточку двух копий и одного ножа. Второй нож точить просто не осталось сил: точили мы оба практически не отдыхая. Какой бы ни был твердый материал, рано или поздно он поддается. Так и случилось с нашим ножом: терпеливо мы точили его, пока я не посчитал, что достигнута приемлемая острота. На инфракрасных мониторах по-прежнему не отображается никакой живности. Но монитор капсулы показал, что одно животное находится в семистах метрах от нашей капсулы. Шел одиннадцатый день нашего приземления, если совсем затянуть с уходом на материк, существует риск не успеть дойти до взламывания льда. Если бы не надвигающиеся сумерки, я бы не раздумывая бросился бы к красной точке, мерцающей на мониторе. Дезинтегратор одним выстрелом мог отправить на тот свет мамонта или кита, медведя можно вообще не опасаться. Да и заблудиться я не боялся: комбинезоны были связаны с капсулой и привели бы нас обратно. Я боялся угодить в полынью, не заметив ее в темноте.

– Утром проверим, где наша потенциальная добыча, и отправимся на охоту, – сообщил я Натой, сидящей за голографическим монитором.

– Я его есть не буду, – отрицательно мотнула головой девушка.

– Не будешь, пока запас твоих батончиков не иссякнет, – согласился я, – а потом посмотрим.

Перед сном пытался вспомнить, все ли предусмотрел и правильно ли выбрал маршрут, всё же более шестисот километров по направлению к скандинавскому побережью. Британские острова лежали ближе, но пролив между Францией и Англией мог стать преградой. В проливе сейчас целая россыпь остров, целый архипелаг, но если там окажется узкая полоска в несколько километров чистой воды, придется ждать зимы, и не факт, что пролив замерзнет. Путь до скандинавского берега длиннее, но там, если добраться до берега, ничто не мешает идти по суше до самого Макселя. Хотя, черт его знает, что может случиться в дороге. Снедаемый противоречивыми чувствами, я долго не мог заснуть, слушая тихое дыхание спящей Наты.

Глава 4. Ох и нелегкая это работа

Утром, позавтракав опостылевшими батончиками, я начал собираться на охоту, предупредив Натю, что выходим через полчаса. При всей автономности спасательной капсулы, разработчики не совсем грамотно учли один нюанс: туалет в спасательном модуле был, но весьма скромных размеров. По сути, это герметичный пластиковый мешок емкостью всего пять литров. Конструкторы, наверное, не предвидели ситуации, что модуль может приземлиться в условиях Крайнего Севера, и на нем придется жить длительное время. Заметив, что мешок наполнен наполовину, принял героическое решение справлять нужду на природе. Выражение «сбегать до ветру» для меня стало актуальным: скафандр-комбинезон оказался удобный, снимался легко. Но одно дело в практичности, и совсем другое – морозить задницу при минус тридцати. Спасение лишь в самих батончиках, их усвоение происходило практически полностью. За десять дней после приземления необходимость «сбегать до ветру» у меня вчера появилась лишь второй раз.

После печального опыта, решил, что такие испытания на морозе девушке не под силу. Сама тема вообще несколько непривычная, постарался обрисовать ситуацию с морозом как можно более тактично. Ната рассмеялась на мои неуклюжие попытки преподнести опасность сидения на морозе с голой задницей, заверив, что примет мой совет серьезно. Тем не менее, с утра поперлась на улицу, предупредив, чтобы я пока не выходил. Вернулась нескоро, судя по ее лицу после дезактивации шлема, дискомфорта она явно не испытывала.

В назначенные полчаса мы не уложились: уже перед самым выходом повторно проверили место дислокации красной точки. Млекопитающее, скорее всего медведь, если судить по интенсивности и размерам пятна, двигалось нам навстречу, находясь примерно в полукилометре.

– Может немного подождем? Мы можем отслеживать его передвижение по экрану, – Ната показала на свой голографический экран, где мерцающая точка медленно, но верно двигалась в нашу сторону.

– Хорошая идея, меньше придется тащить медведя, ты молодец, – похвалил я покрасневшую от радости девушку. Как будто раскусив наш злодейский замысел, красная точка остановилась. Прошло десять минут, но точка застыла неподвижно.

– Может он уснул? – Предположение глупое: медведи не ложатся спать на льду, предпочитая сушу.

– Скорее всего, нашел полынью и сейчас караулит жертву. Надо идти, если он начнет удаляться, запаримся за ним бегать.

Проверив притороченный к комбинезону бластер, опустил аппарат, вместе с Натой выходя наружу. Аппарат мягко поднялась, отреагировав на прикосновение к нарукавному датчику.

– У медведей зрение не очень, но слух и нюх идеальны. Нужно походить к нему с подветренной стороны, при этом стараясь не шуметь, – Ната кивнула и предложила:

– Я включу силовое поле Третиныяка, наши силуэты будут размазаны на таком расстоянии. Зверь увидит только беловатое облачко и не услышит нас, даже если будем говорить громко.

– Ни хрена себе, – я не удержался от восклицания, – а что еще делает это силовое поле?

Ната нажала на датчик, вокруг нас образовался полупрозрачный купол, словно мы исторгали сияние.

– Внутри купола использовать дезинтегратор нельзя, нас просто разорвет, как мы подойдем, я отключу поле, – вместо ответа пояснила девушка. После проигнорированного вопроса желание говорить пропало, дальше шли молча. Медведя я заметил в ста метрах, его выдал

Перевернув медведя, я присел отдохнуть: даже оставшаяся туша весила очень много. Быстро сняв оставшуюся шкуру, принялся вырезать сухожилия. Лар в свое время неоднократно говорил, что сухожилия – самое ценное в добыче. Как ни старался, часть сухожилий я все равно порезал. Пока возился с сухожилиями, мясо стало подмораживать, но это мне только на руку. Вначале хотел тащить мясо на медвежьей шкуре мехом вниз. Пока возился, пришла идея тащить шкуру мехом вверх, чтобы трение о снег дополнительно почистило ее от жил и оставшегося мяса. Подмороженное мясо не испачкает мех, а я сделаю хотя бы частичную очистку шкуры.

Разложив оба куска шкуры мехом вверх, начал накладывать куски мяса. На мой взгляд, практически одной мякоти набралось не меньше ста килограммов. Показав Нате, как схватить шкуру, чтобы не выскользнула из рук, попросил сдвинуть ее «сани» с места. Не без труда, но девушке это удалось. Мой кусок шкуры и горка мяса на ней были вдвое больше, но мне не привыкать к нагрузкам. Едва мы прошли метров сорок, как я остановился.

– Что случилось? – голос Наты звучал взволнованно.

– Ничего, просто забыл прихватить пару костей. Постой здесь, я сбегаю.

– Зачем тебе кости, суп будешь варить? – насмешливо спросила Ната, но я не стал объяснять. Кости мне нужны, чтобы сделать самодельные иголки: шкуру как-то нужно сшить, превращая ее в подобие шубы. Отделив две трубчатые кости с помощью дезинтегратора, вернулся обратно.

– Если устанешь, скажи. Мы не торопимся, спокойно все дотащим.

Девушка кивнула, берясь за шкуру. Первую остановку сделали метров через двести: тащить шкуру с кучей мяса оказалось сложнее, чем я предполагал. Ната еще не готова к таким нагрузкам, она даже дезактивировала шлем, хватая воздух открытым ртом.

– Закрой шлем, не хватало тебе еще простыть, чем тебя лечить здесь?

Чтобы ее не перегружать, дальше шли с более частыми перекурами. Уже начинали ступаться сумерки, когда мы доползли со своим грузом до спасательной капсулы. Втащив шкуру с мясом внутрь защитного купола, мы ввалились в капсулу. С мясом при такой погоде ничего не произойдет, сушить его начну завтра. Усталость такая, что даже не съев стандартного батончика, завалился спать в ближайшей противоперегрузочной капсуле.

Утром все тело болело, словно отработал на галерах без отдыха. Ната спала, вчера умаялась так, что впервые я проснулся раньше нее. Выйдя на улицу, потрогал мясо, превратившееся в мерзлые куски с прожилками льда. Все это мясо нужно высушить, но с этим проблем не предвиделось: режим обогрева и сушки дезинтегратора сделает за сутки то, что солнце делает за неделю. Вот как довести шкуру до нужной кондиции, здесь ситуация мне казалась сложнее. У меня нет под рукой ничего, чем можно сделать шкуру мягче, оставалось только непрерывно мять ее, периодически смачивая.

Несколько кусков медвежатины перенес в капсулу, затем перевернул и осмотрел малый кусок шкуры. Снег отлично справился со своей работой, мездравать осталось совсем немного. Отряхнув шкуру от снега, занес ее домой, думая, из чего сделать мялку. Проснувшаяся Ната с любопытством смотрела, как я нарезаю мякоть на тонкие ломти. Учитывая, что нож у меня не самый лучший, толщина ломтей получалась разная. Разложив вырезанные ломти на шкуре, направил поток горячего воздуха на мясо. Умывшись на улице, вернулась Ната:

– Давай я.

Уступив ей эту работу, вышел с ножом на улицу, рискнув дезактивировать шлем. Датчик на рукаве комбинезона показывал минус пятнадцать, по ощущениям было чуть холоднее. Переложив мясо на снег, перевернул большой кусок шкуры, чтобы отскоблить оставшиеся кусочки мяса и жил. За работой не заметил, как вышла из капсулы Ната и дотронулась до моего плеча:

– До какого состояния нужно сушить животный белок?

– До съедобного, – отшутился я, разгибаясь, – пойдем, посмотрим, что у тебя получилось.

А получилось у нее неплохо: мясо еще не вполне съедобно, но уже по вкусу слегка напоминало сушеное мясо, что мы готовили с Нел. В ломтях еще оставалась вода, на вкус отдавало сыростью.

– Надо еще Ната, пока цвет не станет темно-коричневым.

– Может усилить мощность потока? – предложила девушка.

– Не стоит, сегодня ты его все равно не доведешь до кондиции, потребуется пара дней. Сейчас я нарежу тебе новые ломти, сделай им первичную обработку жаром.

Мы работали до темна, лишь прервавшись на обед и ужин. Не утерпев, я все-таки съел небольшой кусок полусушеного мяса, вызвав гримасу Наты. От моего предложения попробовать девушка категорически отказалась.

Второй кусок шкуры я занес внутрь: он задубел на морозе, рискуя порваться при мезднении. Оставив его оттаивать, вынес меньшую часть шкуры, принимаясь активно ее скоблить. Целых три дня ушло, прежде чем я посчитал, что большего от шкуры мне не добиться. Теперь обе части находились внутри капсулы: как только шкуры высохали, я их смачивал и мял вручную, стараясь не пропустить ни сантиметра.

Все пространство капсулы кроме узкого прохода было выложено мясными ломтями. Ната ходила по проходу, обрабатывая горячим воздухом куски, переворачивая их каждые два часа. На четвертый день, попробовав мясо, я признал, что оно съедобно. Не хватало соли, чтобы улучшить вкус, будь у нас соль, можно бы засолить мясо, соль убивает микроорганизмы лучше, чем тепло.

Прошло уже две недели, как мы приземлились, а наши отношения с Натой напоминали пионерское расстояние. Пару раз мне в голову приходила мысль сократить дистанцию, но что-то сдерживало. Сама девушка немного изменилась: вынужденное длительное нахождение в малом пространстве сближает людей, ломает барьеры. Ната стала немного веселей, начала слушаться с полуслова, но есть мясо отказывалась.

Расколов принесенные кости медведя, я попытался сделать из них пару игл. С нескольких попыток ничего не получилось, выбрав пару тонких осколков костей, путем долгого стачивания о камень я смог получить тонкое шило с небольшим крючком на острие. В принципе, этого мне должно хватить, чтобы проделать дырки в шкуре и связать края сухожилиями. По факту, сделать это оказалось не так легко: сухожилия не желали вести себя как веревки. Почти целая неделя ушла на то, чтобы из двух частей шкуры сделать что-то похожее на шубы.

Температура на улице повышалась, колеблясь между минус десятью ночью и поднимаясь до минус двух днем. Февраль перевалил за середину, с учетом длительности нашего пути до материка нам нужно выходить в дорогу не позднее, чем через неделю. Меня очень беспокоил Гольфстрим, это теплое течение, благодаря которому в моем старом мире море в районе Британских островов не замерзало. По моей просьбе Ната покопалась в своем «компьютере», обнаружив любопытные факты. Гольфстрим в период неолита несколько раз замедлял скорость и даже менял течение. В настоящий момент теплое течение несло свои воды севернее британских островов, не приближаясь к берегам Норвегии. Это давало надежду, что до конца марта лед на море не вскроется, и мы спокойно успеем добраться до суши.

Через несколько дней, когда температура днем впервые поднялась до нуля, решил проверить, как шубы держат тепло. По моей просьбе Ната отключила питание комбинезонов. Сами комбинезоны мы не стали снимать, надев поверх них громоздкую шубу из медвежьей шкуры. Первые десять минут, пока комбинезоны держали тепло, разницы не чувствовалось. Потом, ткань комбинезонов стала холоднее, но при нулевой температуре шуба, несмотря на ее изъяны, грела неплохо. Есть, конечно, и минус: определенная скованность движений во время ходьбы. Вернувшись в капсулу, я попытался сделать подобие рукавов, но отказался от этой мысли, боясь испортить шкуру.

Наша шуба представляла собой мексиканское пончо, надевалась через голову и ограничивала движения рук. Для себя я просто сделал прорези для рук, чтобы иметь возможность защищаться. От Наты, когда дезинтегратор перестанет работать, пользы в защите не никакой, не стал разрезать ее шкуру. Выход в дорогу назначил на двадцать пятое февраля: оставшееся время я жадно поглощал знания из голографа Наты. При всем моем желании, в спасательном модуле не было ноутбука или аналога, чтобы можно было взять с собой. Сама спасательная капсула была рассчитана на автономность и защиту, попавшие в беду астронавты, могли два месяца дожидаться помощи, послав сигнал бедствия. Второй нож тоже неплохо заточили, получив таким образом солидный арсенал: два копья и два ножа. Постоянно переворачивая ломти мяса, добился их хорошей просушки.

Оставался последний вопрос: в чем нести такое количество мяса и белковых батончиков. Два самодельных вещмешка мы смастерили из ткани противоперегрузочных капсул. Касаться области "ядра" спасательного модуля я не рискнул, а в остальной капсуле не было ничего, что можно было взять в дорогу: ни отверток, ни ножа, ничего абсолютно. Двадцать четвертого февраля, в ночь перед выходом в дорогу, Ната впервые поцеловала меня сама и испуганно отпрянула, словно совершила преступление. Пришлось подавить свой порыв, чтобы не спугнуть девушку. Да и до суши лучше не думать о таких вещах, сейчас главная задача – добраться до берега.

Глава 5. Начало пути

С запасом сушеного мяса, я перестарался. Плотно забив свой вещмешок, взглядом окинул оставшееся: две трети заготовленного не поместилось в мой импровизированный рюкзак. Есть еще рюкзак Наты, но в него она набрала белковых батончиков и еще чего-то, порывшись среди панелей спасательного модуля. Вначале хотел сделать санки, чтобы можно было взять продуктов побольше. Но санки имели ряд очевидных недостатков: с ними труднее убежать в случае опасности и пробираться через нагромождения льда весьма непросто. В итоге, взвесив все за и против, решил остановиться на проверенных мною вещмешках или рюкзаках. Они не сковывают движения, оставляют руки свободными, хотя уступают санкам по эффективности и грузоподъемности. Был еще один факт: мы выйдем на сушу практически весной, где санки станут бесполезными в отличие от вещмешков. Оба копыя взял сам, вручив Нате ножи. Пока комбинезоны обогрели, шкуру можно свернуть в валик, и приторочить к вещмешку, чтобы не затрудняла движений при ходьбе. Закончив, оглядел Натю, едва удержавшись от смеха. Так выглядели туристы времен СССР, когда, набрав все что возможно, уходили в поход. На фоне серебристого комбинезона шкура смотрелась пережитком прошлого.

– Готова?

– Ты уверен, что мы сможем пройти более шестисот километров по льду и не умереть, когда модуль не сможет поддерживать системы жизнеобеспечения скафандров?

– Не уверен, но одно знаю точно, что никто не прилетит на помощь, и оставшись здесь, мы точно помрем.

– Я готова, – просто ответила Ната, выслушав мою тираду.

– Тогда, с Богом, – я спустил аппарат, выбираясь наружу.

– Бога нет, – пробурчала заноза в моей заднице, следуя за мной. Оставил без ответа ее замечание, как припрет, первая завопит, прося о помощи. Почему-то люди всегда в минуты отчаяния обращаются к Богу, а не к техническому прогрессу, высокой материи или научным догматам. Как приспичит не на шутку, так научные догматы быстро сменяются религиозными.

– Лучше иди рядом со мной слева: твоя задача – смотреть под ноги и держать в поле зрения левый край, чтобы хищник не подобрался незаметно.

– Датчик на рукаве покажет наличие живых существ, – последовал ответ на мои слова.

Сдержав раздражение, пояснил:

– Самое позднее через триста километров датчик превратится в бесполезный хлам. А нам нужно пройти тысячи километров. Лучше уже сейчас начать доверять своим глазам и чувствам. Иначе ты не выживешь в дикой среде.

Приятно снова чувствовать себя молодым и полным сил. Еще вчера Ната провела мне диагностику в реабилитационной медицинской камере, что находилась в спасательном модуле. Результат ее поразил и приятно обрадовал меня: интеллектуальная машина показала отличное состояние моего здоровья.

У девушки хватило ума промолчать, может, умудрилась уловить раздражение в моем голосе. Больше часа мы шли молча: направление движения было выбрано заранее: следовать прямо на восток. Мы шли навстречу поднимающемуся, но пока еще по зимнему холодному солнцу. Пришлось немного сбавить скорость: слишком резво мы стартовали, появились неприятные ощущения в икроножных мышцах. Датчик на рукаве комбинезона показывал среднюю скорость и пройденный путь. Когда расстояние вплотную подобралось к пятнадцати километрам, путь преградило поле торосов, раскинувшееся с севера на восток.

– Привал, немного отдохнем и пойдем дальше, – я с большим облегчением сбросил вещмешок с притороченной шкурой, чувствуя, как затекли плечи. По времени, чтобы преодолеть этот путь, ушли три с половиной часа.

– Я не устала, могу идти, – Ната сделала слабую попытку возразить, но вещмешок с плеч сбросила быстро, сползая по стенке тороса.

– Отдыхай, первые три-четыре дня будем идти в среднем темпе, пока мышцы не привыкнут к нагрузкам. Самое опасное для нас – это перетрудиться в начале пути. Идти мы можем только в светлое время суток, значит, двадцать пять километров в день на первых порах — хороший показатель. Сейчас мы прошли тринадцать за три с половиной часа.

– А двадцать пять в день не мало? Ты же сам говорил, Макс, что нужно добраться до суши прежде, чем лед начнет взламываться.

– Говорил и могу повторить. Но я также знаю, чем чреваты преждевременные нагрузки. Ты не торопись, Ната, следующие пятнадцать километров у нас займут все пять часов. Может, съешь батончик, подкрепишься?

– Не хочу, – мотнула головой девушка, все еще полулежа на льду. Сколько бы ни отдыхал, при путешествии в холодных краях нужно помнить главное: нельзя допускать длительного отдыха, чтобы разгоряченные мышцы остыли. Почувствовав, как начинает накачиваться усталость, поднялся:

– Ната, подъем, нужно идти.

– Мы всего десять минут отдыхали, может еще десяточку отдохнем? – голос звучал просительно. Это уже говорит не ее разум, а мышцы: начинают просыпаться микротравмы волокон, мышцы посылают импульсы в мозг, сигнализируя о неготовности продолжать путь.

– Нельзя, чем дольше сидим, тем тяжелее будет потом. – Поставив свой вещмешок на торос, повернувшись спиной, надел. Натe пришлось помочь, для нее ее груз стал тяжеловат и самостоятельно справиться с ним не получалось.

– Нам нужно обойти это поле торосов, это может даже прибавится пара лишних километров, но делать нечего, – я двинулся к северу, оставляя торосовое поле справа от себя.

– Может пройдем через него? Оно неширокое, – Ната догнала меня, пристраиваясь слева. Хорошо хоть запомнила, за какой край отвечает при движении.

– Это неразумно, там глыбы льда, они скользкие. Можно серьезно травмироваться, лучше не рисковать. – Эту фразу девушка приняла сразу без попыток доказать правоту своего предложения. Поле тянулось довольно далеко, датчик показал, что пришлось идти полтора километра, прежде чем достигли его конечности.

Зимой темнеет очень рано, едва солнце перевалило за зенит, как стремительно пошло к горизонту, удлиняя тени. Пора бы определиться с местом для ночлега. Впереди и немного южнее нашего маршрута высился одинокий крупный торос, при приближении оказавшийся группой из четырех крупных льдин напозвших друг на друга. Среди этого хаотичного нагромождения образовалось укрытие с трех сторон, закрытое льдинами и снегом.

– Остановимся здесь на ночь, мы прошли двадцать четыре километра, что весьма неплохо. – Скинув вещмешок, освободил шкуру, чтобы подстелить ее на место ночлега. Второй частью шкуры можно будет укрыться: комбинезоны отлично справлялись со своей функцией, но страховка не помешает.

Ната поужинала своим батончиком, взяв немного снега в рот вместо воды. Вытащив солидный ломоть сушеного мяса, я поставил на дезинтеграторе режим сварки на малую мощность. Первый ломоть я испортил, даже на малой мощности дезинтегратор просто сжигал мясо. Второй ломоть постарался обжарить на большем расстоянии: в воздухе запахло жареным мясом.

– Ужасный запах, – поделилась своим мнением девушка, наблюдая за мной с некоторой злостью в глазах.

– Отличный вкус, – промычал с набитым ртом, понимая, что придет момент, когда она будет есть и полусырое мясо. И пропадут все принципы про бедных животных, про животные белки и остальное. Ната молча встала, отходя за нагромождение.

– Далеко не уходи, подглядывать не буду, – крикнул ей вслед, представляя, как перекосило ее лицо после моих слов.

Вернувшись, Ната молча устроилась на краешке, натянув вторую шкуру. Почистив свой импровизированный нож, тоже прогулялся. Вернувшись, застал девушку спящей: усталость ее вырубил мгновенно. Хорошо накрыв ее шкурой, включил на своем и Натаином комбинезоне защитное поле Третиныяка и пристроился под шкурой на расстоянии.

Проснулся от того, что на лице почувствовал что-то чужеродное: во сне Ната перекадилась на бок, прижавшись ко мне. Ее левая рука лежала прямо на моем лице, перчаткой закрывая рот. На востоке начало светлеть небо, ночь выдалась без звезд. Где-то далеко на севере полыхали разноцветные огни, переливаясь и меняя цвет. Полярное сияние! С орбиты мне приходилось его видеть, но с Земли такое видел впервые.

– Ната, пора вставать, – аккуратно переложил руку девушки.

– Еще немного, ма, – девушка прижалась ко мне плотнее и через секунду перестала дышать. Проснулась, – догадался я, пытаюсь предугадать реакцию. Дыхание возобновилось, и, словно нехотя, девушка слегка отодвинулась, поворачиваясь на бок.

– Ната, – уже громче позвал я, – нам пора идти.

– Встаю, – сонно протянула девушка, приподнимая голову.

– Давай по-быстрому позавтракаем, умоемся, пи-пи и выходим в путь. – Оставив мои намеки без ответа, она окончательно поднялась и стала умываться снегом буквально в паре метров от лежки. Завтрак не занял много времени, и пока восток продолжал светлеть, мы тронулись в путь, держа курс на светлеющий кусок неба.

Первые полчаса мышцы побаливали, но потом все пришло в норму. Даже Ната, судя по всему, смогла справиться с неприятными ощущениями, порой ускоряясь, опережая меня. Разогревшись, я и сам почувствовал, что готов идти куда быстрее: вещмешок сегодня казался легче. Приходилось сдерживать себя, чтобы не ускоряться. Пройдя шестнадцать километров, мы остановились на отдых. Как и вчера, отдых получился скоротечный, не успело тело остыть, как мы уже продолжали путь. Ната разговорилась, рассказывая случаи из своего детства. Половину терминов и слов приходилось переспрашивать: речь девушки напоминала выдержку из разговоров сисадминов.

Черное пятнышко впереди по курсу заметила Ната. Глянув на экран нарукавного экрана, убедился, что впереди теплокровное животное.

– Скорее всего, это нерпа.

Ната на мои слова обрадованно воскликнула:

– Медведя уже видела, про нерпу только читала. Их истребили еще до моего рождения, да и изменившийся климат тоже был против них.

– Там, где нерпа, там и медведь, – констатировал я, глядя в табло. Но там кроме одной инфракрасной сигнатуры больше живого ничего не обозначалось, по крайней мере, в радиусе пятисот метров. Ветер дул с нашей стороны, нерпа должна была нас почуять или увидеть, но черное пятнышко увеличивалось, не предпринимая попытки к бегству. По мере приближения стало ясно, что нерпа мертва, скорее то, что раньше звалось нерпой. От морского млекопитающего остался только хвост, голова и часть скелета. Обильно пропитанный кровью снег и лед издали создавали иллюзию цельной фигуры. Следы медведя уходили на север, возможно там есть остров, не отмеченный на современной карте. Иначе, зачем хищнику так далеко отдаляться от берега.

Табло на рукаве комбинезона сияло ровным матовым цветом без единой красной точки, если не считать стоящей рядом Наты. Не доверяя этому девайсу, огляделся вокруг, прислонив ладонь козырьком. Снег и лед слепили, но я все равно до боли в глазах всматривался в ледяную пустыню. Внимание привлекал одинокий крупный торос кубической формы, все остальное пространство было идеально ровным.

– Идем дальше, – я тронулся в путь, снедаемый плохим предчувствием. Вытащил дезинтегратор, проверил режим готовности, держа путь к торосу. Если на него взобраться, можно будет осмотреться как следует. Ощущение близкой беды не оставляло: после долгого близкого контакта с Санчо мои чувства обострились. Буквально каждой клеткой организма я чувствовал опасность: волосы на голове внутри шлема стояли дыбом. Не совладав с чувством неясного страха, переложил копьё в левую руку и вытащил дезинтегратор, держа его наготове.

– Ты чего, Макс? – вопрос Наты едва не стоил нам жизни: поворачивая голову в ее сторону, успел заметить какое-то движение у тороса, до которого оставалось около двадцати метров. Даже не успев понять, что это, на рефлекс нажал на спусковой крючок дезинтегратора: огромный медведь с дырой прямо в области сердца растянулся в десяти метрах от нас. Красная точка, изображающая медведя, появилась на датчике комбинезона, издав слабый писк.

– Твою мать, вот твоё хваленное обнаружение на самом лучшем скафандре Вселенной, – передразнил я Нату, разглядывая поверженного гиганта.

– Макс, датчик не виноват, зверь прятался за той глыбой льда, – Ната показывала на ледяной торос. Следы действительно указывали, что медведь поджидал нас, прячась за торосом. Трёхметровой толщины глыба надёжно скрыла признаки теплового излучения. Эти знания чуть не стоили жизни нам обоим: атака медведя оказалась такой неожиданной, что Ната даже не успела вытащить своё оружие. Поверженный гигант размерами чуть уступал убитому нами ранее, но всё равно был огромен.

– Шкуру будем снимать? – деловито спросила Ната, скидывая на землю свой вещмешок.

– Нет, нам её здесь не обработать, а тащить сырую шкуру шесть сотен километров до суши мы просто физически не сможем. И даже его мясо нам не нужно, нашего запаса достаточно, чтобы добраться до берегов Скандинавии. Не напади он, увидь мы его издалека, просто обошли бы, чтобы не убивать. Не станем задерживаться, нам нужно ещё шагать и шагать.

Ната молча закинула свой вещмешок на плечо: на второй день пути у неё это получилось без моей помощи. Я вернул дезинтегратор на место, пожалев, что через неделю пути он станет бесполезной вещью.

– У него есть встроенный источник питания, на десять выстрелов. Даже без питания от спасательного модуля, – нарушила молчание Ната.

– Ты о чём? – спросил я рефлексивно, хотя понял к чему её слова.

– Я про дезинтегратор, ты посмотрел на него с таким сожалением, вот и решила сказать.

– А этот источник питания, насколько его хватает? Если дезинтегратор не используется долгое время, он не разряжается?

– Источника хватает на одну полную сушку пятерых членов экипажа в режиме обогрева. Сварку или резку металла толщиной до сантиметра на длину одного метра или десять выстрелов плазмой средней мощности, – отчеканила Ната, как будто читала инструкцию к использованию.

– То есть, если мы не станем тратить заряды, после того как выйдем из зоны покрытия мощности спасательного модуля, у нас останется двадцать выстрелов? – я даже не старался скрыть свою радость.

– Да, – усмехнулась Ната, – если не будем тратить энергию источника дезинтегратора.

– Как выйдем из зоны действия спасательного модуля, дезинтеграторами не пользуемся, только если возникнет опасность для жизни

– Есть командир, – весело откликнулась астронавтка, стараясь не отставать от меня. Но она устала. Это видно по её походке и опущенным плечам. Дважды Ната зацепилась ногой за неровности льда, едва не растянувшись.

– Возьми копьё, дай сюда свой рюкзак, – несмотря на протесты девушки, закинул её вещмешок на второе плечо, поразившись тяжести. Вроде там только батончики, почему же так

тяжело? Она еще что-то взяла с модуля, но я не видел, что именно, а спрашивать постеснялся: может там свои женские штучки.

После встречи с медведем, прятаясь за торосом, следовало двигаться вдвойне осторожнее: снег и лед в большом количестве могут поглотить тепловую сигнатуру организма. Но, к счастью, торосов в поле зрения не встречалось, что радовало и огорчало одновременно. Кроме отсутствия медведей это означало, что придется спать прямо на открытой местности. Солнце уже повисло над горизонтом, Ната еле волокла ноги, требовалось срочно найти место для ночлега. В одном месте намело больше снега, и образовалась площадка в сотню метров радиусом.

Вогнал копые в снег, пытаюсь достать до льда: толщина снежного покрова здесь доходила до метра.

– Ночевать будем здесь, – я сбросил вещмешки, вслушиваясь, как гудят от боли мышцы плечевого пояса.

Ната рухнула в снег, не проронив ни единого слова. Отсмотрев пройденное расстояние, приятно удивился: сорок два километра. Правда нагрузка давала о себе знать, все тело болело, словно меня пропустили через мясорубку. Расслабляться некогда: темнота на севере наступает мгновенно. Используя нож, начал выпиливать в снегу кирпичики. Это я видел еще по телевизору, так эскимосы строили укрытия, когда оставались в открытом месте. Вырезанные кирпичи ставил по краю, делая нам углубление в снегу в два метра длиной и чуть больше метра в ширину. Второй ряд кирпичей начал сужать, чтобы через пару рядов можно было свести кирпичики в конус.

Полежав около пяти минут в снегу, Ната отряхнулась и присоединилась ко мне: работа пошла куда быстрее. Кто из нас в детстве не строил замки из снега? Около получаса понадобилось, чтобы получилось помещение похожее на пирамиду. В той программе про эскимосов снежная изба выглядела иначе, но сейчас меня это волновало меньше всего. Датчик на комбинезоне показывал минус четыре градуса по Цельсию, а днем температура поднималась до плюс двух. За два дня мы прошли десятую часть пути, если температура будет подниматься так же быстро, есть риск не успеть. Даже не съев батончик, Ната заползла в мой снежный дворец и растянулась на шкуре. Она держалась лучше, чем я мог предположить. Не ныла, не жаловалась и не задавала глупых вопросов. Пожевав сушеного мяса, я вполз за ней в снежное убежище: внутри было тесно, а от спящей девушки исходили флюиды разгоряченной самки. Повернувшись к ней спиной, обратился мыслями к Русам: как там они, что с ними случилось? Но подумать нормально не успел, усталость победила, и я просто вырубился.

Глава 6. Навстречу солнцу

Сегодня двенадцатый день, как мы отправились в сторону Скандинавии, оставив спасательный модуль на Фарерских островах. Вечером, устраиваясь на ночлег, проверил пройденное расстояние, составившее по нарукавному табло триста двадцать километров. Это было расстояние, определенное Натой как максимальное покрытие питанием со стороны спасательного модуля. Но комбинезоны еще грели, шлемы функционировали, и табло работало исправно. Вкралась надежда, что девушка ошиблась, и мы сможем еще несколько дней пользоваться благами технических достижений человечества.

Полные надежд, утром после небольшого завтрака отправились в путь, а через час комбинезоны стали барахлить. Вначале запиликал нарукавный датчик, экран несколько раз моргнул и погас. Затем самопроизвольно дезактивировался шлем комбинезона-скафандра, а буквально через полчаса функция обогрева тоже закончилась. Настоящее выживание начиналось с этого момента: больше не будет силового поля Третьяка, под защитой которого можно было спать безбоязненно. В дезинтеграторах минимальное количество энергии, она отныне на вес золота.

– Постой, – я скинул вещмешок, Ната последовала моему примеру. Помог облачиться ей в толстую медвежью шкуру, и сам воспользовался ее помощью. Теперь комбинезон выполнял роль обычной одежды, несмотря на шкуру тело ощущало холод. – Нам придется идти немного быстрее, будем греться по дороге, за счет движения.

– Мне не холодно, просто непривычно так, – Ната забросила свой вещмешок, похудевший во время нашего путешествия.

– Если продолжим двигаться в том же ритме, может, сможем выйти к суше через неделю. А там уже есть лес, хворост, возможность согреться у костра. Ты сильная девочка, Ната, но предстоящая неделя выдаться тяжелой.

– Справлюсь, у нас отбор на курсы пилотов тоже не самый легкий был. Давай продолжим путь.

– Не забывай смотреть под ноги, температура поднимается, возможно, что местами лед нарушил свою целостность.

Ходьба согрела, а спустя час мне даже стало жарко. Скафандр-комбинезон сам регулировал температуру, не давая телу охладиться или вспотеть. Сейчас все зависело от нас самих, от нашей воли и желания добраться до берега. Чем ближе подходили к скандинавскому берегу, тем становилось теплее. В последний день работы нарукавного табло комбинезона, температура днем поднималась до плюс семи. За неделю непрерывной ходьбы, самая большая усталость выпала на третий день: тогда мы прошли всего двадцать семь километров. Но уже с четвертого дня мышцы перестали ныть, и скорость передвижения существенно возросла. Да и похудевшие на несколько килограммов вещмешки перестали оттягивать плечи.

На обед мы потратили чуть больше времени, привалившись друг к другу в своих несуровых медвежьих шубах. Световой день начал заметно удлиняться, давая больше времени на ходьбу. Разговаривали очень мало, с девушкой что-то происходило, она стала нервной, по несколько раз в день исчезая с поля зрения, если на пути встречались торосы. На ночь остановились у нагромождения торосов: это первая ночевка, которую предстояло провести без обогрева комбинезонов.

– Ната, мы подстелем одну шубу под себя, и вдвоем влезем во вторую. Так будет теплее, иначе рискуем сильно переохладиться, – поспешил добавить, увидев вызов в ее глазах.

Устроившись среди торосов, я расстелил одну шубу и буквально втиснул ее в свою: мы оказались прижаты друг к другу. Ната избегала смотреть мне в глаза, но ее горячее дыхание щекотало шею, навевая на определенные мысли. Устроившись на боку, я не заметил, как заснул, проснулся от того, что кто-то дергал шубу. Оказалось, это Ната старается выползти из

шубы. Высвободившись, девушка осторожно, стараясь не шуметь, зашла за ледяные глыбы. Отсутствовала она недолго, вернувшись, змеей стала пробираться в шубу, заставив вздрогнуть меня от холодного прикосновения. Ее шуршание затихло, а через несколько минут послышалось ровное дыхание спящей девушки.

Утром, не дав намека, что видел ее ночью, мы спешно позавтракали, собираясь в путь. Я уже понял, почему девушка стала нервной, и с чем связаны ее исчезновения при каждом удобном случае. Надо как-то намекнуть, что кровь может навести на нас хищников, но было стыдно. Во время очередного обеда я «случайно» порезал палец, скинув рукавицу.

– Черт, – я засунул палец в рот, чтобы остановить кровотечение.

– Что случилось? – Ната смотрела палец, – ерунда, простая царапина.

– Да я не из-за раны, это кровь, а хищники ее чувят на большом расстоянии, особенно медведь. – Демонстративно уничтожил пару капель крови, что упали на лед: девушка следила за моими действиями внимательно, не произнося ни слова.

– Не хватало, чтобы из-за моей крови по нашему следу медведь пошел, – вбил я последний гвоздь в крышку гроба. Ната сидела с посеревшим лицом, видимо припоминая, что легкомысленно отнеслась к такой предосторожности.

До самой остановки на ночлег мои попытки разговорить Нату успеха не принесли. Девушка отвечала односложно, но все время вертела головой, оглядываясь и прибавляя шаг. На этот раз для ночлега пришлось выкопать небольшую «могилу» в снегу, торосов поблизости не нашлось. Ночью, перед самым сном, услышал, как трещит лед. Это были первые вздохи льда, намекавшего на скорое освобождение.

– Нам придется идти быстрее, теплеет каждый день, а ночью появились признаки скорого освобождения моря, – довел до Наты свои мысли. – У нас в запасе всего несколько дней, потом мы окажемся на дрейфующей льдине, если не успеем добраться до суши.

– Я смогу, – Ната уже приготовилась идти. В этот день мы, скорее всего, побили рекорд по дальности пройденного пути. Не останавливаясь на обед, перекусили прямо на ходу, а на ночлег остановились лишь в темноте, снова копая «могилу» для отдыха. В этот раз я докопался до льда, получив неприятную информацию о скором его таянии: самый нижний слой снега, прилегающий ко льду, стал рыхлым и слипчивым. К ночи он успел подмерзнуть, но это значило, что дневная температура стала слишком высокой, и вскоре снег перестанет защищать лед от солнечных лучей.

Треск и вздохи льда теперь слышались даже днем. На утро двадцать второго дня в ста метрах впереди нас показалась трещина: процесс освобождения ото льда начался. Трещина пока узкая, но я все равно предпочел ее обойти. И в этот день мы шли без остановок до самой темноты: ночью лед не просто трещал, он устроил какофонию, заставляя вздрагивать Нату.

Утром, проклиная себя, что так поздно отправился с модуля на сушу, закидывал на плечи вещмешок, когда в лучах восходящего солнца заметил пятнышко на востоке.

– Ната, там суша, думаю, к вечеру мы дойдем, – девушка визгнула и кинулась мне в объятия, не поспуившись на поцелуй в щеку.

К обеду встретилась вторая трещина, а чуть позже разломы льда стали встречаться повсеместно, затрудняя движение. Берег уже был виден хорошо: серая полоска скал протянулась с севера на юг. Но вот продвижение к нему шло черепашьями темпами из-за встречающихся трещин и разломов. Первый небольшой участок чистой воды встретился примерно в двух километрах от берега, пришлось забираться влево на север, чтобы обойти этот участок. Чем ближе становился берег, тем больше встречалось участков свободных ото льдов.

Мы находились в пятистах метрах от берега, когда очень сильный шум заставил оглянуться: лед тронулся. Огромные льдины напозлали друг на друга, опрокидывались в воде, формировали торчащие в разные стороны глыбы.

– Ната, бежим! – нетронутый участок льда в несколько сот метров простирался до самого берега. Мы побежали, ноги утопали в рыхлом снегу, шуба мешала, а вещмешок бил по плечу. С треском справа от нас зазмеилась трещина, устремившись к берегу. Я взял немного влево, посмотрев, где Ната: девушка отставала метров на десять. Скинул скорость, и когда она поравнялась со мной, схватил с ее плеча вещмешок. Ната сразу вырвалась вперед, забирая у меня оба копыя. Вторая трещина, пройдя между моими ногами, испугала не на шутку. До берега оставалось несколько десятков метров, когда прямо по курсу раскололся лед. Ната не останавливаясь перескочила трещину, а я притормозил: с двумя вещмешками и в тяжелой шубе мне так не прыгнуть, два куска льдины расходились в стороны. Размахнувшись, перебросил один за другим вещмешки:

– Бери их и выходи на берег!

– А ты?

– Обойду трещину, давай, Ната, быстрее, твою мать! – заорал на девушку.

Та рванулась и, волоча мешки по снегу, но не бросив копыя, медленно побежала к берегу, до которого оставалось около двадцати метров. Ната успела: едва она выскочила на берег, как паковый лед, по которому она пробежала, начал становиться на дыбы.

– Макс, – пронзительный голос Наты прорвался через треск и грохот ломающегося льда. Для меня единственный путь на сушу – вернуться немного назад в море и обойти трещины с северной стороны: там еще сохранились участки льда большой площади.

Развернувшись, я побежал в море, пробежав около ста метров, свернул на север, по дуге обходя трещины. Дважды пришлось перепрыгивать новые возникшие прямо передо мной трещины. Лдины ломались, лезли друг на друга, но между ними сохранилась извилистая дорожка, по которой я устремился к берегу. До берега уже оставалось рукой подать, меньше десяти метров, когда кусок льдины под ногой перевернулся. Со всего размаха я полетел в воду, где льды продолжали крушить себе подобных.

Первое ощущение, что меня сунули в кипяток: грудную клетку перехватило на вдохе. Вынырнув, почувствовал, что ноги достают до дна: до копыя, что протягивала мне Ната, не хватало буквально двух метров. Сзади по голове больно стукнула льдина, подтолкнув меня в сторону берега. Еще один шаг мне дался за счет силы воли. С шумом выдохнув воздух, заработала грудная клетка, после следующего шага я смог ухватиться за кончик копыя, и Ната, буксуя на снегу, потащила мое тело из воды. Последний шаг, и я без сил падаю на снег прямо у воды.

– Вставай, – кричит мне в ухо девушка и рывками оттаскивает меня от воды, где на берег лезут льдины. Я не то чтобы встать, я нормально дышать не могу: мышцы, получив спазм от холодной воды, не хотят работать. Каждый вдох отдается болью в межреберных мышцах. – Вставай, слабак! – сквозь пелену доносятся слова Наты.

Вот тварь, – искренне негодует мой внутренний голос, но слова Наты оказывают действие. Преодолевая боль и лязгая зубами, становлюсь на четвереньки. Ната помогает мне встать и рывком срывает с меня шубу, начинает снимать комбинезон.

– Тебе нужно согреться! – оставив меня в чем мать родила, начинает растирать руками, хлопая по спине, ногам, животу. Скинув с себя шубу, втискивает меня в нее и усаживает на снег: – Там над обрывом лес, соберу дрова и разожгу костер. Не вздумай засыпать, я быстро.

– В своем серебристом комбинезоне, который мало защищает от холода, девушка карабкается наверх. Отсутствует Ната недолго, возвращается с большой охапкой хвороста, отстегивает с пояса дезинтегратор.

– Энер-р-р-гию б-б-береги, – выдавливаю из себя, лязгая зубами.

– Заткнись, – беззлобно обрывает меня Ната, включая режим сварки. Мокрый хворост мгновенно вспыхивает. Подложив еще хвороста, Ната подтаскивает меня ближе к огню, раскладывает мою мокрую одежду рядом.

– Нужно принести еще хвороста, грейся, я недолго.

Лишь сделав еще три ходки, девушка сама присаживается к огню. Адреналин в крови иссяк, ее саму начинает знобить. От моей шубы и одежды поднимается густой пар, но она все еще мокрая.

– Ната, иди сюда, – зову девушку.

– Мне не холодно, – отзывается Ната, дрожа всем телом.

– Я и не говорю, что тебе холодно, но, если ты меня не согреешь своим телом, я простужусь и умру. Тогда ты останешься одна, хочешь такого исхода?

– Хорошо, но только чтобы согреть тебя, – девушка подходит, чтобы нырнуть ко мне в шубу.

– Стой, разве вас не учили как нужно греть?

– Здесь горит костер, греть телом нет необходимости, – Ната отводит взгляд, избегая смотреть мне в глаза.

– Тепло костра рассеивается, а мне нужно, чтобы был контакт. Иначе не избежать переохлаждения внутренних органов, – я несу бред, но Ната клюет. А может ей и нужно, чтобы ее «обманули».

– Хорошо, только отвернись.

– Слышу характерный звук молнии, а через пару секунд ко мне прижимается молодое девичье тело.

А неплохо комбинезон грудь у нее скрывал, – мерзко хихикает внутренний голос. Но мне не до него. Поворачиваю голову, встречаюсь с Натой глазами.

– Это, чтобы ты не умер, – запинаясь говорит Ната, но я останавливаю ее слова поцелуем.

– Молчи, – шепчу девушке, чувствуя, как ее сердце готово выпрыгнуть из груди.

Трепещут ветки в костре, забыв о холоде, целую девушку, что отвечает мне взаимностью. Увлечшись, мы проморгали костер, уже расслабленно лежа под шкурой в обнимку с Натой, спустя полчаса почувствовал, что от костра нет тепла. Ната уснула, получив бурю эмоций, меня самого тянуло в сон. Но нужно подбросить дрова, да и решить место с ночлегом. Солнце еще не село, воздух неплохо прогрелся, но с моря несет холодом. Подкинув дров, проверил свою одежду: комбинезон неплохо высох, шуба еще влажная. Одевшись, почувствовал себя увереннее: я снова потерял бдительность, занявшись любовью с девушкой прямо на берегу моря, практически на открытом месте. Ната проснулась и потянулась: шкура соскользнула с груди, обнажив полушарие.

– Ой, – спохватилась девушка, натягивая шкуру, – Макс, подай мне пожалуйста мой комбинезон. И отвернись, – привычно добавила Ната, получив из моих рук одежду. Я усмехнулся, некоторым людям идет скромность, словно не она полчаса назад стонала в моих объятиях.

– Следует найти место для ночлега, а завтра двинуться на юг, – подкинул еще пару дров, – хотя... можно переночевать здесь, не придется разжигать костер, если жечь этот до утра. Будь здесь, я схожу за хворостом, чтобы костер не погас до утра, придется его набрать немало.

Оставив Нату, по крутому подъему поднимаюсь вверх: лес, состоящий из сосен и елей подступает к обрыву вплотную. Хвороста под ногами завались, только успевай стаскивать вниз. Набираю кучи и, криком предупредив Нату, скидываю вниз. Потом все это можно просто собрать внизу. В лесу деревья уже совсем без снега, но в затененных местах он еще лежит. Признаков, что здесь бывают люди, нет от слова совсем: ни следов топора, ни кострищ, ни дыма поблизости. Море почти полностью освободилось ото льда, создав на берегу оборонительный вал из льдин. Промедли мы один день, до суши не добрались бы.

Закончив с хворостом, режу лапник, раз нам здесь ночевать, нужно создать условия. Делаю два рейса с лапником, поручив Нате собрать хворост поближе к костру. Для нее у меня есть еще один сюрприз: пора ей привыкать к натуральной пище. А сегодня самый удобный момент для перехода на нормальное питание.

Прямо в стене обрыва, там, где сохранился глубокий снег, устраиваю лежку, выстлав дно лапником. Костер приходится переложить, чтобы находился ближе к нам. Моя шуба высохла, надеваю ее, вернув Нате ее часть шкуры. Шашлык из сушеного мяса удовольствие сомнительное, но не учить же ее на полусыром мясе. Срезав несколько прутиков, возвращаюсь к костру, нанизываю кусочки мяса на прутики. На месте старого кострища все еще тлеют горячие угли, на которых начинаю обжаривать свой шашлык. Когда по воздуху поплыл волнующий запах жаренного мяса, зову Натю.

– Я не буду этого есть, – девушка упрямо качает головой.

– Посмотри в своем вещмешке, сколько у тебя осталось белковых батончиков? А когда они закончатся, предпочтешь умереть с голоду? Давай сюда, рано или поздно, тебе придется есть мясо, рыбу, грибы и все такое. Ты же знаешь, Ната, я плохого не посоветую.

Девушка вспыхнула, поняв, к чему была последняя фраза. С решительным видом порылась в своем вещмешке и повернулась ко мне с растерянным видом:

– Осталось двадцать батончиков.

– Через семь дней можешь приступить к голодовке, – ухмыльнулся я, вгрызаясь зубами в прожаренный кусок мяса.

Ната подошла и присела, робко протянув руку.

– Это не батончик, хорошо прожевай, прежде чем проглотить.

Девушка осторожно укусила переданный кусок. Вначале жевала с невозмутимым лицом, но постепенно на ее лице проступили эмоции удовольствия.

– Это вкусно, Макс, – поделилась Ната, проглотив первый кусок.

– Подожди, даже в каменном веке есть своя кухня, еще успеешь удивиться. Ешь не торопись, и много не нужно. Ты так долго довольствовалась батончиками, что для желудка мясо может оказаться трудноперевариваемой едой, разжевывай тщательно.

Мы сидели у костра, моя рука лежала на плече Наты, а звездное небо подмигивало нам. Впервые за все время после высадки во льдах у меня мелькнула мысль: а стоит ли мне идти в Максель? Для них я умер сто пятьдесят лет назад. Спустись немного южнее, найду небольшое племя и стану жить вместе с Натой, забыв о необходимости развития цивилизаций и строительстве империй. Быть счастливым – вот что важнее цивилизации и империи.

Глава 7. Между прошлым и настоящим

Костер догорел, приподняв голову, я видел только струйку дыма. Осторожно, чтобы не разбудить Нату, выбрался из-под шкуры, чтобы подкинуть хвороста. Под кучей пепла всегда сохраняются тлеющие угли, раздув их, можно получить огонь не тратя энергию дезинтегратора. Немного разгреб угли, пока не увидел красные угольки: подложив хвороста, раздул, чтобы угли раскалились. Первые язычки пламени несмело лизнули ветки, а через пару минут уже пожирала мое подношение. Когда огонь разгорелся, приволок корягу, что вытолкнуло вместе со льдом. Этого хватит, чтобы пару часов была пища для огня.

Аккуратно залез под шкуру, случайно коснувшись щеки Наты: девушка съежилась от прикосновения, но не проснулась. Сон не шел, вместо него из памяти всплывали картинки из прошлой жизни, едва закрывал глаза. Воспоминания были настолько четкими, словно я заново проживал свою жизнь.

Я со своим напарником Михаилом находился на борту международной космической станции на орбите Земли, когда мы пролетели сквозь непонятное свечение и оказались в другом временном пространстве. Михаил погиб, пытаясь починить повреждение, причиненное нам космическим мусором. Мне не оставалось другого выбора, кроме как приземлиться на ставшей чужой Земле. Альтернативой было умереть на станции от голода и обезвоживания.

На Землю попал в аварийно-спасательной капсуле «Союз», приводнившись на море, и течение вынесло меня на берег, который позднее я определил как южный берег Турции. Мне удалось прихватить со станции запас продуктов, медикаментов и немного одежды. В связи с ограниченным пространством многие вещи пришлось оставить на станции.

Начал понемногу обживать на новом месте, но угнетало отсутствие людей. И вот однажды я спас от рук дикарей-людоедов племени Канг троих подростков: Нел, Рага и Бара из племени Луома, уничтоженного более сильными неандертальцами. Нел стала моей женщиной, а ее братья – моими соплеменниками-Русами. Мы прожили на берегу бухты, куда течение принесло мою капсулу, два года. Потом я принял решение плыть на плоту вдоль береговой линии, спускаясь к юго-востоку.

В бухте жило племя Гара, там и был заложен Плаж, мое первое поселение.

Ната во сне заворочалась и спросила сонным голосом:

– Макс, пора вставать?

– Нет, еще есть время, спи.

Мои мысли вернулись к воспоминаниям:

Мои жалкие попытки прогрессорствовать не имели особого успеха, пока не появились Тиландер и Лайтфут. Они были из пропавшего звена «Эвенджер», эту историю в «Звездном» знали все. Лайтфут оказался потомственным металлургом: у нас появилась великолепная сталь, основа наших будущих побед. Тиландер был матросом, любителем парусных яхт и шхун.

Мы строили, воевали, принимали новые племена под свое покровительство. Во время испытания мореходных свойств нового корабля в тростниковой лодке были обнаружены юноша и девушка в бессознательном состоянии. Это оказались наследники Ондона, города, как мы узнали позже, построенного моряками английского парусника «Аталанта». Алолихеп стала моей женой, что дало мне формальный повод претендовать на престол Ондона, полученный мной в результате войны и дипломатии.

У меня рождались дети, появились даже приемные сыновья – неандерталец Санчо и кроманьонец Бер, ставшие моей опорой и надеждой. Встреча с профессором Александровым на южном побережье Франции перевернула все: именно он сумел меня убедить, что будущее – за Европой и перенести свою столицу в Европу. Так был заложен город в устье реки Роны, получивший название Максель.

Не менее удивительной оказалась и история самого профессора, физика-ядерщика, выкраденного из Мадрида агентами ЦРУ в 1985 г. В бессознательном состоянии профессор свалился в воду в тумане и оказался на восточном побережье Испании. Мужчина не растерялся и пошел на север, где обрел новый дом и семью в небольшой племени дикарей, живущих у Роны.

Максель, основанный рядом с селением Александра, разрастался, моя тяга к приключениям привела меня к берегам Италии, где я наткнулся на большое поселение племени Урха. Именно здесь, как оказывается, осели похитители Александра: агенты ЦРУ Джон Картер и Пабло Мендоса. Усыпив мою бдительность, во время второго визита в племя меня и Тиландера захватили, перебив моих воинов и матросов. Умер и Лар, атаковав берег в безумной попытке спасти Тиландера. Бер, отправленный мной за помощью, получил тяжелое ранение, и его, умирающего, выходила волчица. Оправившись от ран, Бер, понимая, что время упущено, вернулся в племя Урха, чтобы в одиночку вызволить меня.

Санчо, мой приемный сын-неандерталец, оставшийся в Макселе, смог получить мой ментальный призыв. Вместе с Михой и Малом они организовали спасательную операцию, увенчавшуюся успехом. Но цена победы оказалась несоизмерима высока: пятьдесят Русов и мой военачальник Лар поплатились жизнью за мою недалекость. Оправившись от понесенных потерь, мы совершили полное обследование берегов Средиземного моря, чтобы убедиться в отсутствии врагов. И тут нас ждало полное разочарование: нашелся враг, коварнее и подлее которого придумать невозможно.

На греческом берегу, в бухте, где расположатся Салоники моего старого мира, нас обстреливали из орудия, а на дне моря затонула субмарина. Субмарина со свастики на бортах, этим зловещим символом нацизма. Чтобы сразиться с таким сильным врагом наших сил было недостаточно. Мы ушли в открытое море, дав себе слово вернуться через год и уничтожить в зародыше нацистскую тварь.

А потом... Потом прилетел звездолет «Последний шанс» с тремя девушками на борту, и я узнал многое. За двадцать два года моей жизни в каменном веке мой старый мир ушел в развитии на сотни лет. Земля была истощена, и люди искали новые планеты для расселения человечества. Мир поделился на Унии – союзы, основанные на общности интересов и национальной принадлежности. Мне предстояло встретиться с Галактическим Советом и подтвердить наличие цивилизации Русов, чтобы экспансия на мою планету не стала неотвратимой.

Ната снова заворочалась во сне, что-то невнятно пробубнив. Восток уже заалел, еще полчаса и можно вставать.

Но экипаж Наты вел двойную игру: по выходе из портала, именуемом «рубинадой», нас ждал крейсер франко-германской Унии. Дальнейшее, в случае нашего захвата, пошло бы по их сценарию. Я и Ната, тоже относящаяся к Унии Славянского Союза, просто исчезли бы, а Галактическому Совету доложили бы, что на планете нет цивилизации. И франко-германская Уния получила бы планету в свое распоряжение, как еще раньше такую планету получила Англосаксонская Уния.

Конечно, мне не хотелось присутствия на своей планете даже родственного Славянского Союза: но выбор предложили не особо богатый: признав себя гражданином Славянского Союза, я получал десять процентов всей территории планеты, которые могли изолировать от остальной ее части. Я даже определил для себя эти десять процентов – вся Европа, Средиземное и Черное моря, Кавказ и часть Ближнего Востока, как раз укладывались в те самые десять процентов.

– Ната, вставай, – слегка потормошил девушку.

Это ее мгновенная реакция на мое «удирай» спасла нам жизнь на орбите. В противном случае, сейчас на этой планете господствовали бы французы, немцы и примкнувшие к ним. Крейсер совершил ошибку, открыв по нам огонь, пока Ната ныряла обратно в «рубинаду».

Плазменные потоки активизировали нейтрино, и портал схлопнулся, вызвав взрыв, разнесший «Последний шанс» на атомы. Ната успела дотащить меня до спасательного модуля и отстыковаться, прежде чем звездолет взорвался. Мы приземлились на Фарерских островах, живые и невредимые, но спустя сто пятьдесят лет с момента моего отлета из Максея.

– Мне снился сон, что я мамой гуляю по берегу озера. А там белые лебеди в воде. Мы их кормили, – протирая глаза, Ната потянулась и встала.

– А ты вообще спал?

– Спал, но часто просыпался. Давай, умывайся, позавтракать мы можем и батончиками, с утра мясо – не лучший вариант. Я пока соберу наши вещи, чтобы мы могли выступить. Нам предстоит очень долгий и опасный путь, путешествие по льду, можно считать легкой разминкой.

– Я быстро, – Ната как серна стала карабкаться вверх. Я тщательно изучил карту планеты, касающуюся части Северной и Западной Европы. Если мы не сбились с пути, то до южной оконечности Норвегии около пятисот километров. Потом нужно взять на северо-восток, порядка трехсот километров до места будущего Осло, и снова свернуть на юг, чтобы, пройдя около пятисот километров, дойти до острова Зеландия. Но так как сейчас уровень Мирового океана куда ниже, чем в времена современных карт, скорее всего, Зеландия не остров, а часть материка. Через Зеландию на Оденсе, это двести с копейками километров, и мы в Западной Европе. Впереди раскинутся земли, которые через несколько тысяч лет будут считаться землями балтов и венедов, предков будущих славян. С территории Дании до Максея примерно полторы тысячи километров, но это по прямой. На пути лежат непроходимые леса, болота, озера, реки. Еще в спасательном модуле мы несколько раз чертили путь к Макселю: по самому краткому маршруту уже получалось две с половиной тысячи километров. Но в реале, с учетом ландшафта, а также мест обитания племен дикарей, расстояние легко перевалит за три тысячи километров. За тринадцать тысяч лет ландшафт Земли мог сильно измениться: нам могли встречаться на пути горные пики или глубокие каньоны, которых на карте у нас уже исчезли. Это не говоря уже о болотах, которые в период неолита простирались на сотни километров.

Даже если чудом нам удастся все время идти по прямой – это не путешествие по чистой ледяной поверхности. Больше тридцати километров в день не пройти даже в удачный день, а ведь еще нужно охотиться, разводить костер, искать место для ночевки. Кто-то может подвернуть ногу или просто захворать: по реалистичному сценарию в день мы будем проходить в среднем километров по двадцать пять. Это не считая тех дней, когда по тем или иным причинам придется отдыхать: невозможно находиться в пути четыре месяца без отдыха. Плюс, у нас плохо с оружием, значит, охота может быть затяжной. А еще со мной девушка, для которой дикая природа – красивая голографическая картинка.

– Макс, о чем ты задумался? Я тебя зову в третий раз, – Ната встала рядом, – думаешь, я не смогу преодолеть такой путь?

– Дело не в тебе, милая, на такое расстояние я не ходил даже сам, тем более, с таким слабым вооружением. По расчетам, нам должно хватить полгода, чтобы добраться до Максея. Но даже с Санчо путь втрое короче мы преодолели за полгода: в пути встречаются непредвиденные обстоятельства.

– У нас есть дезинтеграторы, мы современные люди, справимся, – Ната вытащила из своего вещмешка два батончика.

– Двадцать выстрелов – это практически ничто, используем дезинтеграторы только в крайнем случае. Будем двигаться вдоль побережья: всегда можно поживиться дарами моря, и ниже риск наткнуться на хищников в лесу.

Пару минут ушло, чтобы расправиться с батончиком: солнце уже поднималось над горизонтом, предвещая теплую погоду. По ощущениям сейчас примерно пять-шесть градусов

тепла, и чувства холода как такового нет. Закидав тлеющие угли снегом, скомандовал скорее самому себе:

– Пора в путь!

Пройдя около километра на юг, мы уперлись в скалы, входящие в море: это не Средиземное море, здесь не предвидится легкой прогулки по берегу. Я и забыл, что вся территория Норвегии – сплошные фьорды и скалы. Придется уходить вглубь континента, потому что западный берег Норвегии, сплошная горная гряда, изрезанная фьордами.

Дурная голова, ногам покоя не дает, это точно сказано про меня: взобраться наверх в этом месте было реально, если иметь навыки альпиниста. Пришлось возвращаться назад на место ночевки, только там обрывистый берег был достаточно пологий, позволяя легко подняться наверх, после чего мы пошли дальше на юг, ориентируясь на солнце в просветах между елями и соснами.

Идти по лесу оказалось тяжело: сотнями лет никто не убирал сухостой и хворост, периодически встречались такие буреломы, что мы тратили по полчаса, обходя такие преграды. Ноги утопали в тридцатисантиметровом снегу, цеплялись за скрытые корни и ветки. Уже через два часа Ната выбилась из сил: забрал у нее вещмешок, отдав ей копыя. Еще примерно через час, мне пришлось объявить привал, понимая, что нет сил идти вперед.

– Километров десять прошли? – тяжело дыша, Ната уселась рядом.

– Сомневаюсь, это не лед, по которому мы шли с островов. Чем южнее, тем легче: снег растает, и будут видны звериные тропы. А так, мы идем наугад, зачастую попадая в глубокие снежные ямы.

– Будет тяжелее, чем я думала, – улыбнулась девушка, – но раз ты со мной, я ничего не боюсь.

– Снег и лес – не самое страшное. Сейчас время, когда начнут просыпаться бурые медведи, а волки особенно голодны. Да и дикари, скорее всего, нам не раз встретятся на пути, – заметив, как помрачнело лицо девушки, добавил, – правда, для нас это не так страшно, я попадал в ситуации и похуже. Ну что, пойдём дальше?

– Пойдем, – согласилась девушка, вставая.

Временами попадались небольшие прогалины, где снег уже начал таять. Водонепроницаемые сапоги комбинезона-скафандра отлично держали ноги в сухости, не пропуская воду. Когда солнце миновало зенит, объявил короткий привал. Костер решили не разжигать: еще на берегу я подобрал два осколка кремния, валявшихся в изобилии. При соударении с ножом или копьём искрило знатно.

– Покушаем сушеное мясо без огня, огонь разведем, когда остановимся на ночлег.

С некоторой запинкой, Ната кивнула:

– Я не особо голодна, но сделаем, как ты говоришь.

Сушеное мясо ей не понравилось, шашлык был вкуснее, призналась девушка, покончив с небольшим ломтиком.

Следующие четыре часа, пока не начали опускаться сумерки, мы героически боролись с глубоким снегом, ветками и буреломом, встречавшимися на пути. Наткнувшись на огромную упавшую сосну, чьи корни вывернули несколько кубов земли, образовав солидную яму, решил остановиться на ночлег. Пока Ната собирала хворост, нарубил ножом лапник, чтобы выстлать яму. Набрал пригоршню сухой хвои с упавшей сосны, начал высекать искры, чтобы развести огонь. Хвоя вспыхивала быстро, но мокрый хворост не желал гореть. Наступила ночь, прежде чем хворост разгорелся, давая защиту и тепло.

Обжарив кусочки мяса на прутике, протянул Нате: девушка с удовольствием вонзила свои белые зубы в кусок мяса. Я усмехнулся, вспоминая ее первую реакцию на мое предложение животной пищи.

– Очень вкусно, – поделилась девушка, – а ты что не ешь?

– Сейчас поем, – я подготовил второй шампур из прутика, протягивая его над огнем. Где-то очень далеко послышался волчий вой, заставив Натю замереть.

– Что это было, Макс?

– Волки.

– В моем времени их не осталось, только в специальных резервациях, мы на них смотрели через камеры.

– Здесь их навалом, и это они, скорее всего, будут смотреть на нас через свои «камеры», – пошутил я, принимаясь за еду.

– Они не придут на наш костер? – Ната передвинулась ко мне ближе.

– Они далеко, и сейчас у них гон, секс для них важнее еды. Это была волчица, давая понять самцам, что готова к спариванию. А костер их, скорее, отпугнет, чем привлечет.

Из всего сказанного мной Ната со свойственной женщинам логикой выделила основное: «готова к спариванию». Именно так я понял ее взгляд, но проигнорировал его по двум причинам: слишком холодно, и я чертовски устал.

– Нам придется дежурить по очереди, чтобы костер не погас. Я лягу спать, а ты карауль, утренние часы самые тяжелые и опасные. Как почувствуешь, что тебя клонит в сон, разбуди меня.

– Хорошо, а может, я подежурю до утра, а ты выспишься? – предложила Ната.

– Мне хватит пары часов. Не забывай, что я снова молод и полон сил. Иди сюда, – чмокнул ее в щеку, – покажется что-то странным, сразу буди меня, не пытайся геройствовать.

– Хорошо, не буду, – улыбнулась Ната, вытаскивая дезинтегратор.

– И не отходи по нужде, а не то волк схватит тебя за беленькую попку, – увернувшись от удара, завернулся в кусок шкуры. Нужно выспаться, чувствую, как натруженное тело молит об отдыхе.

Глава 8. Северная Европа каменного века

Два часа в дороге, а я все не могу отойти. Сзади, проваливаясь по колено в снег, даже не пытаюсь оправдаться, плетется Ната. Проснулся я от холода: костер практически погас, на своем боевом посту, накрывшись куском шкуры, мирно спала Ната, забыв о дежурстве и моих словах, чтобы разбудила, если потянет в сон. Нам повезло, что волчья стая была далеко, да и дела у нее есть поважнее. Уже светало, угли даже успели остыть, значит, спала девушка уже приличное время. Будь на ее месте Нел или даже сумасбродная Миа, костер горел бы, а меня вовремя разбудили бы. Понятно, что жизнь Нел и Мии сильно зависела от дисциплины и готовности к неприятностям в любую минуту. Даже прожив со мной в безопасности много лет, Нел никогда не допускала, чтобы огонь погас. На генетическом уровне пламя костра для дикарей означало безопасность.

– Ната, – от моего рыка девушка вскинулась, хлопая сонными глазами.

– О чем я тебе говорил ночью? Чем ты меня слушала?! У тебя пять минут на свои дела, мы выступаем.

Все попытки девушки оправдаться, я пресек на корню. Не помогло ей и то, что она хотела отдежурить полностью сама, чтобы я мог выспаться. Еще вчера, когда Ната предлагала такой вариант, я его отменил. Не может уставший человек, сидеть всю ночь и не заснуть. И чем больше он сопротивляется, тем сильнее сон его одолевает. Это как водители на длинных маршрутах: глаза слипаются, а они продолжают ехать, пока не заберут чью-то жизнь в ДТП. Нату нужно проучить: едва она появилась из-за деревьев, как я вскинул свой вещмешок на плечо и зашагал.

– Макс, подожди.

Не обращая внимания на ее просьбы, я скрылся среди деревьев, уверенный, что она меня догонит. На ходу накидывая вещмешок, поправляя шкуру и грызя батончик, Ната появилась из-за деревьев, ступая по моему следу. И так продолжалось уже два часа: я игнорировал ее попытки завязать разговор, стараясь шагать быстрее. Девушка запыхалась, ее дыхание было слышно за десять метров. Убедившись, что меня не разжалобить, она сменила тактику, молча следуя за мной. Остановился на привал, когда почувствовал, что сам нуждаюсь в отдыхе. Ната рухнула в снег прямо у моих ног, не в силах подняться. Думаю, урок усвоен, в любом случае, не стоит загонять ее насмерть.

Приподняв, посадил ее:

– То, что мы живы – просто сказочное везение. Недалеко от нас волки, с их обонянием почуять нас – плевое дело. А мы оба спим, и нет костра. А все почему? Потому что одна очень умная девушка решила все сделать по-своему, наплевав на все инструкции.

Грудь девушки вздымалась, от высокой нагрузки она не могла говорить. Короткими промежутками между выдохами Ната просипела:

– Я все поняла. Больше не подведу, прости меня.

– Хорошо, отдохни, я разведу костер. Думаю, поджаренное мясо гораздо лучше просто сушеного.

Оторвав несколько веточек у высохшей сосны неподалеку, развел огонь. Снег в этом месте уже неглубокий, местами проглядывала земля. Стоявшее в зените солнце давало ошутимое тепло, ласково грея лицо.

Отдых затянулся, уставшее тело просило еще немного покоя. Но расслабляться долго, значит отбить у себя охоту продолжать путь. На мой взгляд, за весь вчерашний день мы прошли примерно двадцать километров, а впереди начинался подъем. До середины крутого холма, простирающегося до самого горизонта, рос лес. А вот верхушка осталась абсолютно лысой, утопая в снегу. Вероятно, этокакой-то перевал, обходить его справа не вариант – там море, а слева – еще неизвестно какой крюк придется делать.

– Готова? – Ната кивнула, но вид у нее был загнанный. На минуту я почувствовал угрызения совести, что шел так быстро и долго, что даже сам выдохся. Но, с другой стороны, оставленный без наказания проступок порождает множественные проступки.

– Нам придется подниматься, неизвестно, какой крутизны второй склон: он может быть пологим, а может являться границей фьорда. В таком случае, нас встретит обрыв, и нам придется возвращаться обратно. Поэтому очень внимательно смотри под ноги, любой камешек на продуваемом гребне горы может увлечь в пропасть. Будем надеяться, что это просто холм, и мы не выйдем к фьорду.

Ната молча выслушала мои слова и кряхтя поднялась, закидывая вещмешок на плечо. Оба наших вещмешка сильно похудели и облегчились, но даже килограмм груза мешал. Оглядевшись по сторонам, я заметил поросль какого-то дерева: пришлось серьезно поработать ножом, прежде чем получилось два посоха.

– Для устойчивости при подъеме, – вручил я девушке двухметровую жердь, – не выкидывай, она нам понадобится, когда пойдем среди болот.

Начался подъем: на первый взгляд, достаточно пологий, но идти по нему было тяжело. Когда вышли из лесного массива, идти стало легче: на голой части холма толщина снега минимальная, потому что ветер его сдувал, ноги утопали не больше, чем на глубину подошвы. Длина этого склона до вершины оказалась под километр: с замиранием сердца я вышел на гребень, боясь увидеть внизу море, но это оказался не фьорд, а самый обычный скалистый холм, правда, южная сторона была заметно круче и лишенной растительности до самого подножия.

Спуск выдался значительно труднее, от попыток удержать равновесие болели икроножные мышцы. Дважды Ната начинала сползать вниз по склону не выдержав крутизны. Приходилось бросаться на склон плашмя и ловить ее то за ногу, то за медвежью шкуру. Отдышавшись, показал, как правильно ставить палку чуть ниже себя и под углом, чтобы «посох» выполнял роль якоря. На спуск ушло больше времени, чем на подъем. Внизу у подножия шел распадок, за которым начинался подъем на второй холм. И снова, северная часть склона почти до самой верхушки покрыта хвойными деревьями.

Интуиция говорила, что южная сторона холма может оказаться берегом фьорда, но обходить тянущийся далеко на восток холм нет никакого желания. Приказав орущему внутреннему голосу заткнуться, после десятиминутного отдыха я полез вверх. Второй подъем дался немного легче и Нате, она шла практически вплотную, не отставая.

– Твою мать, – вырвалось при виде фьорда открывшегося нам с гребня холма.

– Макс смотри, – Ната указывала на восток, где на воде белел лед. Сплошное ледяное поле начиналось примерно в километре от входа в фьорд и уходило вглубь суши. Прямо под нами синела вода, а километром восточнее лежал лед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.